

Б о р и с Д ы ш л е н к о

А Н Т Р Н У

Я вздрогнул, потому что у меня над головой заорал репродуктор.

- Внимание, - рявкнул голос так, как будто развернулась стальная пружина. - Внимание, внимание, слушать всем! Каждому, нашедшему труп...

Тут я второй раз вздрогнул, так как репродуктор произнес мое имя. Я очень удивился: репродуктор говорил, что каждый, нашедший мой труп, обязан сообщить об этом в соответствующие инстанции. Я не только удивился, но и испугался. А еще я возмутился: это была явная нелепость.

- Тут какое-то недоразумение, - сказал я себе, - недоразумение и нелепость. Ведь я жив, - сказал я вслух и огляделся, но никого не было рядом со мной.

Тогда я стал громко возмущаться, повторяя, что это нелепость, а возможно и злой умысел, чтобы как-нибудь меня скомпрометировать; хотя и прекрасно понимал, что никто особенно не заинтересован в том, чтобы меня компрометировать: ведь у меня нет врагов и никогда не было. Я живу сам по себе, абсолютно независим, ни у кого ничего не прошу; и даже одна знакомая говорила однажды моей жене, что у меня золотые руки. Вот уж действительно нелепость - сперва, "золотые руки" и вдруг, труп.

- Нет, - сказал я громко и уверенно, - никакого трупа нет. Нет и не было. Я жив и сокрушу все козни... - я хотел сказать "врагов", но тут опять вспомнил, что у меня врагов нет, и сказал, - противников.

- Это-то я сокрушу, - подумал я, - но жена?.. Ведь с ней от этого сообщения может такое случиться!.. Просто

ужасное может случиться. Она может очень расстроиться. У нее и так-то слабые нервы, а теперь она и вообще может что-нибудь подумать - это не шутки.

- Надо поспешить предупредить жену, - решил я, - и поскорее успокоить, предупредить насчет этого трупа, что это все не так, что это нелепость, ерунда, что, наконец, вот же я. Итак, сначала предупредить, затем успокоить, затем поставить перед фактом, что вот же я живой и здоровый. А после этого сходить в инстанции и там объяснить что и как, чтобы ни у кого не возникало сомнений. Только надо узнать, где помещаются инстанции, а потом сходить.

И все это недоразумение разрешится. Надо еще сказать, чтобы сообщили по радио, что труп нашелся. Или вернее, что не труп, а недоразумение,,, или труп?

- А может быть это мой однофамилец? - подумал я, - или человек с такой же фамилией как у меня? У меня довольно распространенная фамилия, - подумал я, - да что там? У меня просто очень распространенная фамилия, - с гордостью подумал я, - это мне здорово повезло, что у меня такая фамилия: с такой фамилией не пропадешь.

Так я решил и пошел предупреждать жену, чтобы не беспокоилась, потому что труп не мой, а какого-то другого однофамильца, потому что их у меня много, так что нет причин волноваться.

Я пошел по четвертой Стипендиатской, от угла, где стоял, но успел дойти только до следующего угла и остановился, чтобы дать дорогу десантникам, которые пересекали улицу, выйдя с проспекта Торжества ретирады, - они маршировали. Их было всего человек шесть, но маршировали они гром-

ко и в ногу, а командовал Шацкий.

Я люблю, когда солдаты маршируют: смотришь на них и чувствуешь, что все в порядке, чувствуешь себя в безопасности.

Я остановился, чтобы дать им пройти, и в этот момент Шацкий заметил меня.

- Сто-о-ой! - радостно заорал Шацкий, - стой, вам говорят, ослы проклятые. Вы что не видите? Вам говорят, остолопы!

Те еще два раза грохнули на месте и остановились. Я удивился: какая у них дисциплина; а Шацкий поманил меня пальцем, и я подошел.

- Привет, - сказал Шацкий, глядя на меня сверху вниз, потому что он был выше меня ростом, - привет. Что ты здесь делаешь?

Я хотел сказать что-нибудь, что мол гуляю, или иду в мебельный магазин, но Шацкий перебил меня.

- Твоя рожа кажется мне знакомой, приятель, - сказал Шацкий, - ну-ка повернись так и сяк.

Я повертел головой, а Шацкий, посмотрел на меня с разных сторон.

- Точно, - сказал Шацкий, осмотрев меня с разных сторон, - он здорово напоминает одного типа, а, ребята!

Он обернулся к десантникам. Там стоял один длинный, Понтила /я его знаю/, он кивнул.

А кого же это он нам напоминает? - обратился Шацкий к военным с таким видом, как будто это ему и в самом деле неизвестно, - а ну, предъяви паспорт! - гаркнул Шацкий так, что я вздрогнул.

- Что с ним спорить? - подумал я, - и отдал ему паспорт, а он буквально вырвал его из моей руки.

- А ну-ка еще повернись, - сказал мне Шпацик, - повернись туда и сюда, а мы посмотрим.

Я опять стал вертеть головой в разные стороны, а Шпацик сравнивал меня с паспортом.

- Да не вертись ты, вошь! - прикрикнул на меня Шпацик, - Стой смирно.

- Так и есть, ребята, - сказал Шпацик, - мне все ясно: этот тип, - он ткнул мне паспортом прямо в лицо, - но я успел отшатнуться, - этот тип, пристукнул того парня и взял себе его паспорт.

- Какого парня? - сказал я, еще не понимая хорошенъко в чем дело, но уже чувствуя, что тут что-то не так. - Тут что-то не так, - сказал я, - про какого парня ты говоришь? Я ничего не понимаю.

- Посмотрите на него! - Возмущенно закричал Шпацик. - Он не понимает! Вы только посмотрите на него! Да он святой, парни: у него нимб вокруг головы. Вы посмотрите: он светится, парни.

Десантники смотрели на меня и ухмылялись, а Шпацик перекрестился.

- Погоди, - сказал я, - ты что?.. Я же... Все-таки мы же с тобой школьные товарищи... можно сказать, одноклассники... Ну, мало ли что там было в школе... Все-таки дружба...

- Какая дружба? Ты что, ошалел? Ну и наглый тип! Ребята, что же это делается на белом свете? Этот прохвост

убивает моего школьного друга... ну, друга не друга, но все-таки, а теперь мне же пытаются втереть какую-то труху. Ну какова наглость!

Десантники мрачно загадали, а до меня, наконец, дошло, в чем меня обвиняют.

- Неужели он думает?.. - подумал я, но остального я даже подумать не посмел.

- Шпацик, - взмолился я, - да ты подумай хорошенько, да разве ты меня плохо знаешь? Да неужели ты в самом деле думаешь, что я способен...

- Ты?! - Шпацик даже щелкнул зубами от ярости, - да кто тебе сказал, что ты это ты?

- Мне дело ясно, ребята, - решительно сказал Шпацик, обращаясь к десантникам, - этот гад убил человека и воспользовался его паспортом.

- Да постой, - в отчаянny закричал я ему, - ты посмотри хорошенько в паспорт: ведь это же я. Ты посмотри: ведь это моя фотокарточка.

- Вот-вот, я и говорю, - подтвердил Шпацик, - воспользовался внешним сходством, и думал: сойдет. Не-е-ет, нико-ко-го, а Шпацикого тебе не провести.

- Да нет же, - сказал я, - я и не думал тебя проводить. Поверь, я никого не убивал, а что похож, так только от того, что это мой паспорт.

- Да-да, - иронически покивал головой Шпацик, - конечно, ты никого не убивал, и паспорт этот твой. Только уж очень складно у тебя все получается. Уж очень правдоподобно, как-то так, что все концы сходятся.

- Запомните, ребята, - сказал Шпацик, обращаясь к сво-

им, — ложь всегда выглядит очень правдоподобно, ложь всегда выглядит убедительно. А почему? — спросил Шацкий.

Десантники, разинув рты, молчали.

— Да потому, дурачье, — ответил Шацкий на свой вопрос, — потому что ложь всегда рядится в личину правды. Потому, что преступник всегда сумеет так подтасовать факты, что в них комар носу не подточит. Правда же не нуждается в том, чтобы комары совали в нее свой нос. Вот почему, — заключил Шацкий, — всякую вещь, внешне похожую на правду, следует тщательно проверять.

Его речь произвела на всех и на меня в том числе большое впечатление, и я готов был бы с ним согласиться, если бы не был уверен в том, что он ошибается.

— Я тебя очень понимаю, — сказал я, — я может быть, понимаю тебя как никто, но уверяю тебя, что в моем случае ты ошибаешься.

— Ага, — язвительно сказал Шацкий, — я ошибаюсь, преска ошибаешься, один он не ошибается.

— Да что с ним разговаривать, хватай его за горло: от этих вралей последнее время совсем житья не стало, — вмешался огромный Понтила, он подскочил ко мне и, схватив за шиворот, дернул вверх, а потом вниз, так что я наткнулся затылком на его железный кулак.

— Смирно! — заорал на него Шацкий. — Не разговаривать, не для того я читал вам лекцию, идиотам, чтобы вы меня учили.

— Ладно, — сказал он мне, — раз уж ты так настаиваешь на очной ставке, устроим тебе очную ставку. Пошли.

Я не настаивал на очной ставке, тем более, что не знал, с кем они хотят мне ее устроить, но подумал что уж лучше очная ставка, чем такая неопределенность, и поэтому пошел. Вернее, не только поэтому, но еще и потому, что Понтила тащил меня за шиворот, но в общем-то я рассчитывал, что очная ставка что-нибудь прояснит.

Мы прошли несколько улиц и несколько раз повернули /все почему-то получалось буквой Г/, и все время пока мы шли, прохожие оглядывались на нас и некоторые показывали пальцами, а один так даже все время шел параллельно по тротуару, делая вид, что ему все-равно и он сам по себе, но он почему-то исподтишка подмигивал мне, а потом так распоясался и обнаглел, что стал забегать вперед, снимать шляпу и делать неприличные знаки; но тут Шацкий прикрикнул на него, чтобы убирался, и он отстал.

Тут я заметил, что мы недалеко от моего дома, и я подумал, что вот было бы хорошо, если бы они вместо очной ставки отвели меня домой. Жена подтвердила бы им, что это я, и они бы остарили меня, наконец в покое, потому что, по совести говоря, хоть все это недоразумение длилось и не очень долго, я все-таки страшно устал; а уж там, с женой я бы как-нибудь все уладил; и я ужасно обрадовался, когда так и получилось. Я только на лестнице спросил: нельзя ли, чтобы Понтила не держал меня за шиворот, потому что мне это очень неудобно перед женой.

- Ладно, оставь,- сказал Шацкий Понтиле,- оставь, не держи его: не убежит.

И Понтила ненкотя отпустил мой воротник.

- Ну, открывай, - приказал мне Шацкий, когда мы поднялись по лестнице на мой этаж, - открывай же, что ты стоишь?

Я достал ключи и стал открывать дверь, а Шацкий при этом пробормотал: "И ключи у него... Вон, что задумал: просто волосы дыбом встают." Я подумал: "Пускай болтает, что хочет: все равно сейчас докажу, что я это я."

Я открыл дверь, и вся ватага ввалилась за мной в коридор. Шацкий цыкнул на них, чтобы они не особенно шумели, и мы прошли, по пути, правда, одна соседка из любопытства высунулась в дверь, но Понтила гаркнул на нее, и она спряталась. Я подумал, что это только лучше, чтобы соседи не знали. Шацкий постучался и мы вошли. Жена что-то высматривала из окна, когда мы вошли. Когда мы вошли, она обернулась и с недоумением посмотрела на нас, на нас всех, а не только на меня, на меня между прочим: она здорово умеет владеть собой, меня всегда это восхищало.

Мы вошли, сначала Шацкий, потом я, а за мной Понтила. Шацкий ловко щелкнул каблуками и поклонился, он умеет быть вежливым, когда захочет. Жена сдержанно и с достоинством улыбнулась.

- Мадам, - вежливо Сказал Шацкий, - мы привели этого человека к вам для очной ставки. Вам знаком этот субъект?

Жена внимательно посмотрела на меня, при этом ее красивые серые глаза не выражали никакого чувства: она прекрасно держалась. Она долго смотрела на меня, потом перевела глаза на Шацкого и сказала: "Я ничего не утверждаю, но этот человек очень похож на моего мужа. Я бы даже сказала:

похож как две капли воды." Она как всегда предумывала каждое свое слово и отвечала осторожно и дипломатично. Так, конечно, и надо, когда разговариваешь с чужими людьми, но я подумал, что лучше бы на этот раз она была менее осторожна, потому что чрезмерная осторожность тоже может повредить. Увы, так и вышло. Я споткнулся и чуть не упал, потому что Понтила дал мне подзатыльник.

- Будьте мужественны, мадам,- сказал Шацкий,- собирайтесь с силами для того, чтобы услышать печальную весть. Я сообщу вам ужасную тайну, мадам: перед вами убийца вашего несчастного мужа.

Жена слабо вскрикнула и оперлась о подоконник.

- Крепитесь, мадам,- сказал Шацкий,- я вместе с вами скорблю о смерти вашего мужа и моего лучшего школьного друга: ведь покойный был моим одноклассником, мадам. Я знаю, ваше благородное сердце чуждо всяких мыслей и помыслов о мести, и, поверьте, не о мести, о нет, не о мести я говорю вам, мадам; но я надеюсь, что вера в справедливую кару, которая настигнет преступника за его беспримерное злодеяние, да, я надеюсь, мадам, что вера в справедливость поддержит вас в эту глубоко скорбную для всех нас минуту и послужит вам хотя бы слабым утешением в вашем несчастьи.

Я наконец пришел в себя.

- Как тебе не стыдно,- закричал я Шацкому.- Как ты смеешь? Я вовсе не покойник. Ведь это же я!- в отчаяньи закричал я жене.- Неужели ты не узнаешь меня? Вспомни: ведь еще недавно ты дарила мне ласки.

Жена внезапно покраснела.

- А тебе не стыдно?- гневно спросила она.- Тебе не

стыдно выносить сор из избы?

Я смирился. Я опустил голову. Я знал, что моя жена никогда не верила мне, но и никогда не думал, что ее недоверие зайдет так далеко.

- Ну что ж, - подумал я, - я не буду выносить сор из избы, тем более, что мне это и не поможет.

Я в последний раз посмотрел на нашу комнату: на китайскую вазу, на большой цветок в углу, на рояль, на котором я часто играл жене классику - она вообще любит классику и не выносит ничего другого, - я посмотрел на все это, на то, что еще в первые месяцы нашей семейной жизни так заботливо и при активной помощи своей жены я устраивал; я окинул все это прощальным взором и хотел окинуть еще раз, но Понтила не дал мне этого сделать: он взял меня за шиворот и встряхнул.

- Ну вот, со сдержанной яростью сказал Понтила, и немного проведя меня, дал мне коленкой пинка в зад, не то чтобы так уж сильно - я даже не полетел вперед, и только слегка качнулся, - но все же это было очень неприятно и мне было стыдно перед моей женой. Тут же подскочил еще один, небольшой, но, видимо очень сильный; он взял меня за локоть и так скжали, что я встал на цыпочки. Но это было уже в коридоре. Мы вышли на лестницу. Тут Понтила снова дал мне пинка, и я едва удержался за перила.

- Что хватаешься, гад? - сказал Понтила. - Шкуру свою бережешь, ублюдок?

- Оставь его, - сказал Шпацик, - оставь - не пачтайся.

Уже на улице он, с презрением взглянув на меня, сказал

мне: "Достукался, отщепенец проклятый?"

И с внезапной злостью он ткнул меня кулаком в губу. Не ударил - только ткнул, но мне стало очень горько: всегда горько чувствовать презрение окружающих, а тем более, что я понимал как мало я этого заслужил.

Мы шли в неизвестном направлении, а в конце улицы, на краю безоблачного неба, солнце садилось на крышу невысокого дома, и зашагавшим впереди десантникам длинная тень влеклась по мостовой и билась головой о булыжник; и когда мы начинали догонять ее, мне каждый раз было страшно наступать на нее, как будто это был живой человек; я пытался укоротить шаг, и сразу же Понтила дергал меня вперед и с ненавистью говорил: "Еще упирается - скотина!" Я спотыкался, и тогда другой, маленький, поддергивал мой локоть кверху и сильно сжимал его, так что я каждый раз охал от боли. Шпацик шагал рядом с каменным лицом и с таким видом, как будто я на самом деле оскорбил его. Может быть, я действительно чем-нибудь оскорбил его, но и был почти уверен, что нет, и как бы там ни было, но в любом случае ему не стоило так себя вести: это все-таки неблагородно. Мы повернули, и тени теперь упали направо, и за следующим поворотом были уже впереди нас и наконец взбежали головами по ступенькам и выросли над нами на стене.

- Стой, - сказал Шпацик и загрохотал прикладом автомата в железную, крашенную голубой краской дверь, и в ответ на его стук рядом с дверью открылось маленькое оконечко и в нем показалось лицо серьезного человека в очках.

- Что вам нужно, головорезы? - спросил человек в очках.

- Вот уж действительно, головорезы, - подумал я.

- Открой, - сказал Шацкий и, приблизившись к окошку, что-то тихо запелал тому в подставленное ухо.

- Ага, ясно, - сказал тот, - сейчас нет, но я открою.

Он исчез и скоро чем-то залязгал там, за дверью, видимо, отпирал. Вероятно, отпирал, потому что дверь медленно отворилась и он сам появился в проеме, лысый, в очках, с желтым железнодорожным флагком в руке.

- Проходите, - сказал он индифферентно и добавил, обращаясь к Шацкому, - только я сказал; сегодня не будет.

- Терпит, - ответил Шацкий, и мы вошли. Вернее, они вошли, а я влетел, потому что Понтила опять дал мне пинка. Зато он, наконец отпустил мой воротник. Мы оказались в просторном помещении, похожем на прихожую, только на окнах были решетки как в тюрьме. Я в тюрьме никогда не был, но ведь каждому известно, что там бывают решетки. Здесь они были, и я сразу подумал, что, наверное, это тюрьма. Дальше шел длинный коридор, но он был отделен от прихожей решеткой, и это укрепило мои подозрения насчет тюрьмы, но я ничего не стал спрашивать, опасаясь опять нарваться на какую-нибудь грубость со стороны Понтилы.

- Да, это наверное тюрьма, - подумал я, - они наверное привели меня в тюрьму.

Жена часто говорила мне, что мое место в тюрьме, но я никогда не верил ей: я думал, что она говорила это в сердцах и больше для того, чтобы отомстить за какой-нибудь мой поступок; а теперь я подумал, что она как в воду смотрела.

Пока я рассматривал помещение, Шацкий дал лысому бумагу, и тот прочитал ее. Потом он посмотрел на меня и сомнением покачал головой.

- Что-то мне не верится ребята, - сказал он, покачав.

- Что-то мне не верится ребята, - сказал он, покачав головой, - ой, ребятки, что-то мне не верится. Сдается мне, что вы тут что-то напутали.

- Конечно, напутали, - с надеждой встрепенулся я, но тут же мне пришлось замолчать, так как моя голова качнулась влево, а потом вправо от двух ударов, одного в правое и другого в левое ухо: это опять были гнусный Понтила и его помощник, низкорослый крепыш. Я замолчал, а Шацкий, наклонившись к лысому, что-то горячо зашептал ему на ухо.

- Дело ваше, - холодно сказал лысый, - мест много, - мне не жалко.

- Ну так ты пиши, - сказал ему Шацкий, - пиши скорей; нам уже порядком надоело все это.

/Можно представить, как мне все это надоело! /

Пока лысый писал, никто меня больше не трогал: все стояли молча и ждали. Просто стояли и ждали. Потом Шацкий тронул меня за рукав и кивнул головой в сторону коридора. Я пошел. Понтила уже разогнулся, чтобы дать мне пинка, но на этот раз я успел проскочить, а его в коридор не пустили.

- Мы с тобой еще поговорим, - крикнул мне вдогонку Понтила.

По коридору одна за другой шли двери с небольшими закрытыми оконечками на них, но ни из одной из них не доносилось ни звука.

- Ты уже догадался, куда ты попал? - спросил меня Шацкий, идя рядом со мной по коридору.

Я предположил, что это тюрьма.

- Почти, - подтвердил Шацкий, - во всяком случае вроде тюрьмы.

Мы остановились возле одной из дверей.

— Вот камера, — сказал лысый, — камера на двоих, как полагается: мы не держим людей в одиночках.

Правда, в камере было две кровати, не то чтоб в полном смысле кровати, скорее две широких деревянных скамейки, одна напротив другой. Они были застелены коричневыми байковыми одеялами, а под одеялами были матрацы, две черных подушки без наволочек лежали поверх одеял: все было аккуратно.

— В общем, устраивайся, — сказал мне Шпацик, — устраивайся, как можешь. В конце концов, каждый устраивается, как может, — сказал мне Шпацик, — все остальное всего лишь громкие слова.

Это, конечно, было справедливо, и я хотел сказать ему об этом, но он повернулся и вышел. Лысый ничего не добавил и тоже вышел. Я услышал, как он запирает дверь, а потом я остался один. Как это ни странно, но я почувствовал облегчение. Я облегченно вздохнул: все-таки на какое-то время я был избавлен от агрессивного общества людей, которые, если быть вполне откровенным, были мне не особенно приятны.

Оставшись один, я прежде всего решил как следует все осмотреть. Камера представляла собой сравнительно небольшую комнату: около пяти шагов в длину и четыре шага в ширину. Дверь была металлическая, крашеная серой краской и примерно на уровне моей груди имела оконечко с небольшой полочкой и решеткой, со стороны коридора была ставенка, а в ней глазок, который был закрыт, уж совсем с той сторо-

ны. Напротив двери находилось окно, которое куда-то выходило, может быть на улицу или во двор: этого точно было не определить, во-первых, потому что оно было слишком высоко, то есть до него можно было бы дотянуться руками, если встать ногами на кровать, а потом чуть-чуть податься вбок и схватиться за решетку; тогда можно было бы, подтянувшись, заглянуть в окно, — во-вторых, все равно там было ничего не увидеть, так как оно снаружи, с той стороны, тоже было закрыто, вернее, не то чтобы закрыто, то есть не закрыто наглухо, а, скорее, прикрыто каким-то деревянным кожухом /такая досчатая штука, которая на ту сторону уходила домиком от окна/, так что не то, чтобы посмотреть, а даже свет мог проникать исключительно снизу. Но сейчас он не проникал, оттого что на улице в это время было уже, наверное, темно, и камера сейчас освещалась электрической лампочкой, на мой взгляд, слишком яркой, и эта лампочка была прикреплена прямо к потолку и забрана металлической сеткой, вероятно для того, чтобы ее кто-нибудь не разбил. Что касается кроватей, то я их уже описал. На правой стене была еще белая эмалированная раковина, а над ней кран, к левой стенке был приделан столик, небольшой, и такой, чтобы на нем было можно поесть; стены же были ни белыми, ни серыми, а просто отштукатуренными. Я еще на всякий случай заглянул под кровать и нашел там белое цилиндрической формы ведерко с крышкой: я понял, что это, наверное, вместо горшка.

— Вот как в тюрьме? — подумал я. — Как в крепости, где все на случай осады должно быть под рукой. Это для того, чтобы никуда не выходить и не беспокоить тюремщика. Ну

что ж, это и мне удобней, потому что мне тоже не хочется его видеть, хоть он, кажется, и лучше тех.

- Я сел и хотел думать о своей печальной судьбе, но в это время в конце коридора послышался шум и какие-то голоса. Я прислушался и уже не мог думать о судьбе, потому что шум приближался.

Шум приближался, но это был не только шум, но еще и грохот, будто оттуда катился какой-то огромный пустой шар и еще какие-то голоса, или выкрики, а другой /этот голос тюремщика/ как будто уверял, потом я стал различать отдельные крики, которые мне очень не понравились, так как показались мне угрожающими, и я узнал голос Понтила: видимо, Понтила все-таки ~~каки~~ прорвался.

- Пусти, - орал Понтила, - пустите меня: я ему покажу кузькину мать. И я ему еще кое-что покажу, я ему такое покажу!... я ему покажу, где раки зимуют - вот, что я ему покажу. Пусть знает, скотина. Я его так измордую, - заорал Понтила совсем громко и грохнул кованым сапогом в дверь, - а ну, открывай скотина: ты что там заперся? Я тебя отучу... я из тебя выбью... А ну, пустите меня, мерзавцы! - и Понтила снова загрохотал сапогами в дверь.

Я забрался на кровать и забился в самый угол, я сжался и, если сказать по правде, дрожал от страха; этот Понтила был такой здоровенный, конечно, он мог бы меня избить до потери сознания. А если бы он еще стал бить меня ногами - от такого хама всего можно ожидать - я просто не знаю, что бы тогда было. Только бы дверь выдержала, - думал я, - ~~и~~ она, конечно, железная дверь, - думал я, - но вдруг,

не выдержит? Здесь даже нет ничего такого, чем бы я мог защититься. Да и разве защитишься? Ведь у него еще и автомат.

Так я думал, вздрагивая от каждого удара в дверь, а за дверью все продолжался грохот и крик, и при этом Понтила ругался ужасными словами, потом его крик перешел в какое-то мычанье, как будто его душили, потом еще раз прорвался ужасной руганью, а потом все стали удаляться, но еще некоторое время слышалось тихое бормотанье старичка, моего тюремщика, и, наконец, все стихло. Я перевел дух.

А потом мне стало обидно.

- За что он меня так ненавидит?- подумал я.- Ну, хорошо, пусть я их всех как-нибудь там не устраиваю, но за что же именно Понтила меня так ненавидит? Как будто я ему сделал что-то плохое?..

Я решительно этого не понимал. Нет, я могу понять разные чувства и даже понять неприязнь ко мне. То есть, вот я могу понять, например, неприязнь Шпацикого: он всегда меня недолюбливал, я никогда не мог понять, за что он недолюбливал: бывают же необъяснимые вещи, но со Шпациким это одно дело, а что касается Понтилы, то тут я никак не мог понять.

Со Шпациким мы вместе учились в школе, он хотел стать десантником, он и тогда уже проявлял большие способности. Я тоже хотел стать десантником /кто же этого не хочет?/, но мне запретили, а Шпацик за это называл меня воображалой. Ну ладно, Шпацик- это я еще могу понять: это старые дела. Что же касается Понтилы... Ведь он с нами никогда

не учился: он вообще откуда-то с юга. За что же он меня так ненавидит?

- Вот разве что оттого, что у него такой южный темперамент? - подумал я. - Может быть, оттого, - подумал я, - да, - подумал я, - наверное, оттого, что у него южный темперамент. Это, конечно, многое может объяснить, но мне от этого, в сущности, не легче.

Я долго не мог успокоиться. Я все время вздрагивал: мне все казалось, что в конце коридора опять начинается шум, но каждый раз оказывалось, что это ложная тревога. Просто, мои нервы были напряжены. Как говорится, нервы были напряжены до предела.

Так я долго сидел на корточках в своем углу, не решаясь ни встать с кровати, ни даже сесть поудобней: я все еще не был уверен в том, что Понтила не прорвется снова, и, мало ли, на этот раз?.. Поэтому я так и сидел на корточках, пока дрожь в коленках не заставила меня сесть по-человечески. И как только я сел по-человечески, я сразу почувствовал такую усталость, что даже удивился, как это я до сих пор держался на ногах, или на корточках, что, в принципе, не легче. Теперь все мое тело обмякло, и голова была тяжелой, как с похмелья. /Я хоть и не пью, но несколько раз в своей жизни все же чувствовал похмелье, так что знаю, как это бывает/. И вот теперь я чувствовал себя, как с похмелья. Я был почти счастлив, что на какое-то время все кончилось, и я сейчас лягу и засну. Но стоило мне лечь, сонливость как рукой сняло: нахлынули, ну прямо волной, всевозможные мысли об аресте и о том, что никак не было

связано с арестом.

События сегодняшнего дня были для меня настолько неожиданны, развивались так бурно, что я до сих пор не имел времени подумать, а я каждый день привык думать, потому что я вообще люблю о чем-нибудь подумать, — так, вообще, на разные темы, не обязательно о чем-то философском или глубоком, и не то, чтобы я занимался решением каких-то там вопросов, или проблем, но я люблю подумать о том, о сем, и не в практическом смысле, а просто так. А теперь, когда я лег, всевозможные мысли независимо от меня и даже помимо моей воли так и хлынули на меня волной.

Я сначала подумал, что, может быть, это глухонемые подменили мой паспорт, когда они показывали мне свои фокусы /мне однажды глухонемые показывали фокусы/, но я понял, что это абсолютно невозможно и не только потому, что глухонемые неспособны были на такую низость по отношению ко мне, но и потому, что с тех пор прошел уже целый год, а за это время мне не раз приходилось предъявлять свой паспорт, и, наконец, потому, что паспортные данные, включая серию и номер, были те же, что и раньше, так что глухонемые ни в чем не были виноваты — и мне стало стыдно, что я на них погрешил.

Потом я стал думать о том, как там теперь будет моя жена, и каково ей там без меня, и при этом в уверенности, что меня нет в живых; потом я подумал о том, для чего она была так осторожна; но я не мог сосредоточиться на этом предмете, во-первых потому, что я об этом уже думал и ничего понять тогда не смог, а теперь все равно ничего не прибавилось, а во-вторых, потому что я уже вообще ни на чем ~~х~~ передавалось не мог, хмыкнувши и перекинувши ход своих

сосредоточиться не мог; мои мысли перескакивали с одного предмета на другой, и эти предметы были совершенно незначительны, так что теперь я уже не могу как следует припомнить, о чем я в этот момент думал. Помню только, что напоследок я стал думать о войне, и думал о том, как бы я там был, на войне, и я стал представлять себя на войне потому что я хоть не военный, и даже напротив, совершенно мирный человек, но иногда люблю представить себя в бою, как будто я человек решительный и храбрый. Я и на самом деле не трус, просто у меня очень мирный характер.

Но я от этих мыслей не заснул, и тогда попытался вспомнить как я играл жене на рояле классику, но это было трудно вспомнить без рояля: жена почему-то легко вспомнилась, а рояль - нет. А потом у меня в голове почему-то стала прыгать одна и та же фраза "с облака на крышу" и эта фраза в сущности ничего для меня не значила, а почему она появилась не знаю, но эта фраза было последнее, что я помнил: я потом так с ней и проснулся.

Я спал долго и по-видимому очень крепко, и никто меня не будил. Когда я проснулся, лампочка снова горела, и я не мог понять: день сейчас или ночь. Возможно, это был день, но никаких звуков снаружи в камеру не доносилось.

Я проснулся и подумал, что вот "с облака на крышу" и тут же сообразил, что это какая-то ерунда. Я так и сказал - "ерунда", - а потом, я вспомнил, что повторил эту фразу перед сном и понял откуда она ко мне пришла. Тогда

я еще раз повторил, что это ерунда и решил об этом не думать.

Я сел на кровати и осмотрелся: ничего нового для себя я не увидел. Все то же: серые стены, потолок, лампочка в сетке, умывальник, дверь. Я чувствовал себя усталым и разбитым. Я встал и, подойдя к умывальнику, умылся. Холодная вода немного освежила меня, и я стал в ожидании завтрака /или обеда, а может быть ужина/ прогуливаться по камере. Я не очень хотел есть, но с нетерпением ждал, когда мне принесут поесть, так как хотел подумать после еды о своем положении и не хотел, чтобы меня прерывали.

- Лучше я сначала поем, - думал я, - а потом подумаю как следует, подумаю спокойно, чтобы никто не мешал, обдумаю все как надо и приду к каким-нибудь выводам.

И я стал ходить по камере вперед-назад, вперед-назад как маятник, или как тигр в клетке, да, наверное, как тигр в клетке, и все ходил и ходил и совершенно забыл про обед и проходил часа три или даже четыре, и за это время понял, что, наверное, мне необходимо отходить в день сколько-то километров. Раньше ходил и не замечал, а иногда так даже уставал и бывал недоволен, а теперь понял, что это, оказывается, необходимо. Я думаю, что если бы еще посидел в тюрьме, то, вероятно, я бы еще что-нибудь понял. Да, тюрьма тоже имеет свои преимущества. Но это я думал в общем-то иронически, потому что на самом деле, мне, конечно, приятней было бы находиться на свободе, а не в тюрьме. Да, на самом деле мне было очень грустно, настолько грустно и одиноко, что я наконец не выдержал. В ужасной тоске я сел

на кровать и воскликнул:

- Ну почему так получается?

Ну почему так получается, - думал я, - что со мной постоянно происходят всякие истории? Почему вся моя жизнь состоит из самых невероятных и неприятных приключений? Это просто какое-то несчастье, - подумал я, - наваждение. Конечно, с одной стороны это даже интересно, - думал я, - ведь не с каждым человеком такое случается, и в этом даже есть романтика, - я вообще-то люблю романтику, если рассказать кому-нибудь историю о том, как меня однажды обстреляли /в моей жизни была такая история/, то этому просто никто не поверит, потому что эта история прямо-таки фантастична. Вот какие со мной происходят истории. Я это к тому, что все это могло бы быть очень интересно, то есть об этом, скажем, можно было бы написать занимательный роман, да и вообще неплохо было бы вспоминать на досуге: сидеть у огня и вспоминать, курить трубку и рассказывать жене, чтобы она слушала и смотрела бы на меня с восхищением, как она тогда смотрела на того- джиу-джиски, а этот джиу-джиски бессовестно врал. И, тем не менее, она ему верила, а мне она бы ни за что не поверила, да и не верила никогда. А почему? Нет, - сказал я себе, - надо разобраться в этом. Наверное, она верила этому джиу-джиски, потому что она его любила. Она сама мне об этом сказала: она всегда говорит только правду и ненавидит всякую ложь. Если бы она поняла, что джиуджиски лжет, она бы его возненавидела. Нет! - воскликнул я. - Она бы его не возненавидела, потому что он недостоин ненависти, она бы его презирала. Да, она

бы его презирала, - повторил я почти с наслаждением, - она бы плюнула ему в лицо.

Но почему же она поверила ему? - удивился я. - Почему она приняла за чистую монету такую примитивную ложь? - Я поник головой. - Потому, - горько сказал я себе, - что она его любила, а любовь прощает все - любовь великая сила.

Я некоторое время ни о чем ни думал, а потом стал думать дальше.

- Да, она его любила, - думал я, - но когда же она его успела полюбить? Ведь она видела его тогда в первый раз. А с первого взгляда, - ответил я сам себе, - с первого взгляда бывает самая сильная любовь. Если с первого взгляда, то она, конечно, уже не могла критически относиться к его словам, - я еще раз поник головой.

А меня она ненавидела и поэтому все, что бы я ей не рассказал, она принимала за ложь. Правда, ее нельзя за это так уже строго судить: ведь мои приключения, действительно, уж очень неправдоподобны. Ну, например, кому придет в голову такая дичь, как отдавать в химчистку детей. Естественно, что она не могла поверить в такую ужасную действительность. Неправдоподобно? - спросил я. - А вспомни, что говорил Шацкий о правдоподобности? Он говорил: "Ложь всегда выглядит очень правдоподобно, ложь всегда выглядит убедительно..." потому что она рядится в личину правды." Да, этот Шацкий умен и образован, - он изучил виктимологию и всякие другие науки - но все-таки он зря так обращался со мной: такое можно было бы простить грубому Понтеле, но не ему - и как раз потому, что он образован и умен. И он, конечно, был прав,

24

когда говорил о правдоподобности, но с другой стороны и я был прав, я не знаю чем, но прав. Вот опять фантастическая ситуация, — сказал я себе, — я говорю правду и она правдоподобна, так что получается одновременно и правда и ложь.

Как это все сложно, — подумал я, — но жизнь вообще сложна. Сложна и прекрасна, — и тут же подумал, что это не пустые слова, потому что я в самом деле люблю жизнь — даже такой, какова она есть, даже в разлуке с женой, даже здесь.

И так любя жизнь, разве я мог бы убить человека, особенно однофамильца?! Не-е-ет! Не мог бы. И они знают, что не мог бы. Я не мог бы, поэтому-то они и думают, что это не я.

И тем не менее горько, что они так обращаются со мной, и особенно при жене: и за шиворот, и пинка в зад и, пожалуй, единственное утешение, что она думает, что это не я.

Действительно, если бы она узнала, что это я, она с презрением отвернулась бы от меня, потому что я был жалок и смешон. Нельзя быть смешным в присутствии любимой женщины, не надо питать ее ненависть — пусть уж лучше думает, что это был не я. А еще лучше было бы, если бы она подумала, что это тот, джиу-джиски: жаль, что я не похож на него. Я не понимаю, почему жена полюбила его. Что она в нем нашла? Разве, что, из ненависти ко мне?.. Мне горько это сознавать, но иногда мне казалось, что жена так ненавидит меня, что если бы я стал умирать, то она привела бы с ули-

цы первого попавшего мужчину и отдалась бы ему у меня на глазах только для того, чтобы отравить мои последние минуты.

Я устал от этих мыслей, и хотя свет еще не погас, я решил лечь спать, чтобы ни о чем не думать. Однако мне опять все не удавалось заснуть: мои мысли все вертелись вокруг взаимоотношений с женой, и я никак не мог освободиться от них.

— Хоть бы, наконец, кто-нибудь пришел и что-нибудь прояснилось бы в моем положении, — подумал я, — или принесли бы поесть. Не собираются же они уморить меня голодом здесь?

Тихое хихиканье послышалось за закрытой дверью.

— Что там? — с испугом подумал я и сел на кровати.

— Хи-хи-хи, — тихонечко слышалось за дверью, — хи-хи-хи.

— Эй, кто там? — полуслепотом спросил я. — Может быть, что-нибудь надо?

Но там не отвечали. Только тихонечко хихикали, как будто скрывались от меня, или прикрывали рот рукой.

— Эй, кто там, который час? — тихо спросил я.

Ничего — только хихиканье.

— Эй, вы не принесете мне чего-нибудь поесть? Я очень голоден, я, видите ли, не ел со вчерашнего дня. Вы, наверное, забыли, а я очень хочу есть: ведь мне, наверное, полагается какой-нибудь обед или ужин?

Но мне никто на мой вопрос не ответил: только тихое хихиканье по-прежнему доносилось из-за двери.

— Чего он там? — подумал я. — Что тут смешного? Это

вовсе не смешно: это грустно.

- Эй,- прошептал я,- чего вы смеетесь? Ну, что вы там нашли смешного?

Но хихиканье продолжалось.

- Я вас спрашиваю: что вы нашли смешного?- повторил я погромче, но не совсем громко, вполголоса.- Тут ничего смешного нет: над чем здесь смеяться. Эй, вы, я вам говорю: в конце концов, это и нехорошо. Это недостойно- смеяться над человеком, который попал в беду. Ну и что ж такого, что я в тюрьме? В конце концов, есть такая поговорка: "От сумы, да от тюрьмы не зарекайся." Я ведь не преступник, а это просто недоразумение: вот смотрите, когда оно разъяснится, вам будет стыдно.

Но хихиканье все продолжалось.

- А, может быть, он свихнулся, мой тюремщик? Свихнулся и теперь хихикает. Свихнулся здесь в одиночестве. Здесь, наверное, никого нет, в тюрьме, вот он и свихнулся.

- Ку-ку-у-у!- раздалось за дверью.

- Что-то он того... Наверное, здорово повернулся,- мне стало не по себе,- а что, если он ночью заберется сюда и того... Возьмет, да и укокошит меня во сне: двинет каким-нибудь болтом, или гайкой- и все. Может, здесь так принято.

А тут еще погас свет, и я почувствовал, как у меня по телу побежали какие-то пупырышки, или мурashki, так что даже защекотало.

- Вообще-то, не похоже на него,- попытался я себя успокоить,- он с виду, в общем-то, безобидный старичик, но

но черт его знает?.. С этими сумасшедшими нужно очень осторожно- мало ли что ему в голову взбредет?

- Хи-хи-хи,- радостно стрекотал старишок,- хи-хи-хи.

- Ну его,- подумал я,- ну его к лешему!

А может, это я сумасшедший,- внезапно пришло мне в голову, может быть, это у меня начинается сумасшествие? И вот- галлюцинации? Сумасшествие всегда начинается с галлюцинаций. И правда, чего ему смеяться? Во мне ничего смешного нет, ситуация тоже вовсе не смешная: нормальный человек не стал бы над этим смеяться. Наверное, кто-то из нас ненормальный: или он, или я. Если это не галлюцинации, то он ненормальный, а если галлюцинации, тогда- я. Лучше галлюцинации,- подумал я,- лучше галлюцинации, чем он меня пристукнет болтом.

Хихиканье за дверью продолжалось еще некоторое время, потом прекратилось. Очевидно, либо кончились галлюцинации, либо старишок перестал хихикать. Ну, может быть, ему надоело и он перестал. Увидел, что я не отвечаю, и перестал.

Я еще немного подождал для страховки, но старишок больше не хихикал, и тогда я понемногу успокоился и стал засыпать.

Я засыпал: мысли мои путались, сбивались, вместо них появлялись какие-то образы: не то мушки, не то круги,- я засыпал. И у меня было такое впечатление, как будто ~~хихик~~ у меня не голова и вообще, я- не я, а существует какая-то челка, такая желтая, соломенного цвета, которая все клонится и клонится к сырой и плотной земле; но как только эта челка касалась земли, я в страхе просыпался, и сразу

28

становилась - не челка, а возникало ощущение особенной трезвости, такой трезвости, от которой шуршит в голове. Я переворачивался на другой бок и снова пытался заснуть, и снова мне это почти удавалось, но потом опять, едва только я начинал погружаться в забытье, как в ту же секунду с сильным сердцебиением просыпался. Так повторялось несколько раз, пока, наконец, вовсе не пропала всякая способность заснуть. Мне казалось, что кто-то присутствует в камере; вернее, не кто-то, а именно старичик прячется где-то здесь, в темноте, что он как какой-нибудь сухой стручок, настороженно торчит в углу и, ожидая пока я окончательно засну, крепко сжимает в закостеневшем кулаке заржавленный болт.

Я тихо скользнул с кровати на пол и затаился. Так я немножко подождал, а потом на четвереньках пополз в угол, где умывальник. Я рассчитывал схватить стариичка за ноги и рывком повалить на пол, а повалив, связать - у него, наверное, есть пояс или подтяжки: вот и связать его поясом или подтяжками, - а потом подождать, пока кто-нибудь придет за ним /ведь должны же за ним придти?/, дождаться кого-нибудь и объяснить, что вот, мол, забрался ночью ко мне в камеру и хотел меня убить, а в доказательство показать им болт, которым он хотел меня трахнуть.

Но в этом углу тюремщика не оказалось. Я судорожно развернулся /на четвереньках это было очень неудобно/, развернулся и втянул голову в плечи, ожидая удара из левого угла.

- Сейчас, как жахнет, - подумал я, - как жахнет болтом

по затылку, ему это очень удобно сверху, просто раз плюнуть.

Я так же, на четвереньках, рванулся в другой угол и, приподнявшись на коленях, выбросил руки вперед - они захватили пустоту.

- И здесь нет, - я перевел дух, - где же он? Может быть, залез под кровать? Ну, конечно же, залез под кровать ведь оттуда ему удобней всего стукнуть меня болтом, просто высунуться из-под кровати и врезать, когда я буду спать.

Я медленно повернулся на четвереньках и пополз под кровать. Здесь я уже не мог подцепить его под коленки, но и у него под ~~рукой~~ кроватью не могло быть такой свободы действий, как в углу, и я рассчитывал схватить его за руки и скрутить.

- Чего ему-то надо? - подумал я. - Ну ладно, Понтила, - он молодой, у него темперамент, - но чего тебе-то, старику, в общем-то, солидному человеку играть в разведчики?

А ведь сначала я даже подумал, что он симпатизирует мне, этот старишок. Да, зря я обольщался на его счет. Не думал я, что он такой змей. Вот уж действительно, - мягко стелет, да жестко спать.

Внезапно моя правая рука наткнулась на что-то жесткое и холодное, а в следующий момент зазвенело, и сразу что-то потекло под меня. Я вскочил, больно ударившись плечом о край кровати.

- Ах, это я опрокинул ведерко, - сообразил я, - да, конечно, никого нет в камере, - подумал я, - зря я напраслину

возвел на старишку: он, конечно, с придурью, но не до такой степени, чтобы убивать людей. Ведь как-никак, а за убийство арестанта по головке не погладят.

Однако, на всякий случай, я еще потарил под второй кроватью, но, разумеется, и там никого не нашел. Я только пожалел, что опрокинул ведерко, от которого теперь по камере распространялся дурной запах.

- Пахнет, ну прямо, как в каком-нибудь туалете, - сказал я, зажимая пальцами нос, - как в каком-нибудь общественном туалете, или сортире, - и я еще раз обругал себя.

Тем не менее, успокоившись насчет старишку, я вернулся на свою кровать и, несмотря на вонь, которая здесь была еще сильнее, наконец, заснул.

Проснулся я от яркого электрического света, и как-то внезапно: видимо, электричество включили. Я сел на кровати с таким ощущением, как будто не спал вовсе, а как будто просто отвлекся на минуту от каких-то своих мыслей, которые тут же попытался припомнить, но из этого, естественно, ничего не получилось: ничего не вспомнил.

- Интересно, сколько я уже здесь? - подумал я: мне казалось, что я здесь уже очень давно, - так давно, что все мое прошлое, до ареста, и сам арест не вспоминается, и за стенами моей камеры ничего нет, а весь мир здесь, и я в этом мире один.

Я с бессмысленной тщательностью осмотрел камеру, от нечего делать цепляясь глазами за каждый предмет, пока не заметил на цементном полу беловатый контур высохшей лужи-
кому

цы. Я вспомнил про опрокинутое ведерко и только тогда почувствовал вонь.

- Фу, как пахнет! - сказал я, и мне стало стыдно за свой ночной страх.

- Конечно, - сказал я, - это от одиночества в голову лезет всякая ерунда, и поэтому начинаются галлюцинации.

Я однажды читал, как один статистик сидел в барокамере. Я, правда, никогда не бывал в барокамере, так что толком не знаю, как она выглядит; знаю только, что там испытывают на летчика или на космонавта, в общем, что-то такое. Так вот, этот сицилиец сидел в барокамере и на третий день он услышал за стенкой духовой оркестр, который играл вальс "На сопках Манчжурии". И потом он никак не мог отделаться от этого вальса: две недели ходил и все напевал: "... герои спят, герои спят..."

- Неужели я здесь уже третий день? - подумал я. - Вот черт, когда же кто-нибудь придет?!

Это ожидание уже вымотало меня; оно становилось нестерпимым. Чтобы отвлечься и как-то рассеять свое беспокойство, я попытался вспомнить, что я видел во сне, но оказалось, что ничего не видел. Я вспомнил о еде, и сейчас же рот наполнился слюной; я проглотил ее. Сосало под ложечкой. Я встал и опять стал расхаживать по камере и ходил все быстрее и быстрее, надеясь, что мне, как и в прошлый раз удастся задуматься и не вспоминать о еде. Однако, мне никак не удавалось отвлечься от этой темы.

- Вот проклятье! - воскликнул я и остановился посреди камеры. - Неужели они так и не принесут мне поесть? О чем

они думают, хотел бы я знать! Кажется, я бы сейчас что угодно съел. Даже лягушку, или крысу- и то съел бы,- от этой мысли меня затошило, нет, крысу- это, конечно, фи-гулярно,- сказал я,- это я, конечно, шучу. Я бы, конечно, не стал есть крысу ни при каких условиях. Это пусть десантники едят крысу, если им нравится, а я крысу есть не стану, даже если за это пообещают немедленно меня отпустить.

Я задумался.

- Нет,- подумал я,- за свободу я бы, пожалуй, даже крысу съел. Да, конечно,- подумал я,- свобода- это самое дорогое на свете: выше свободы ничего нет. Лучшие люди моей страны отдавали жизнь за свободу, а тут- крыса... Нет, крыса- ерунда, свобода важнее. Как это я раньше не понимал этого?- подумал я.- Да, разгуливал себе на свободе и ничего не понимал; не чувствовал ее, как не чувствовал голода; а теперь чувствую голод и тюрьму. Вот ведь как,- подумал я,- цену свободе познаешь только в тюрьме. Да!- повторил я.- Цена свободы познается в тюрьме.

Это красиво звучит,- подумал я,- красиво звучит. Никогда прежде я бы не смог так сказать. И в этом еще одно преимущество тюрьмы: в тюрьме появляются красивые мысли. Высокие мысли:

С В О Б О Д А
Р А В Е Н С Т В О
Б Р А Т С Т В О

эти слова, наверное, родились в тюрьме. А что? Наверное. "Сижу за решеткой, в темнице сырой, вскормленный на воле,

орел молодой..." Как там дальше?"... и вымолвить хочется, давай улетим." Да, это все тюрьма,- подумал я,- и это потому, что в тюрьме сосредотачиваешься на таких вещах, на которые на воле просто не обратишь бы внимания. А почему? Потому что в тюрьме ты оказываешься в чистоте: здесь ничего тебя не отвлекает от твоих мыслей. Так что именно в тюрьме ты в некотором смысле обретаешь подлинную свободу. Да, это так: ведь на воле твои мысли обусловлены множеством обстоятельств, а здесь эти обстоятельства сведены к минимуму. Свобода- это осознанная необходимость.

Но тут я почему-то стал икать.

- Это, конечно, от голода,- сказал я и проглотил слюну,- разумеется от голода. Что же они думают? А вдруг они и не собираются меня кормить?- подумал я.- Ну почему? Не для того же они посадили меня в тюрьму, чтобы уморить голодом? Нет, вот сейчас недоразумение, наверное, уже разъяснилось, и меня скоро выпустят отсюда, и поэтому теперь уже не кормят, так как питание заключенных, вероятно, связано с какой-нибудь документацией: ну там, ставить на довольствие или что-нибудь, как это там бывает; а меня теперь скоро выпустят и уж не хотят связываться со всеми этими бумагами: это мне даже очень понятно. Конечно, все так и есть.- Ну, что ж, подождем,- сказал я себе,- он скоро придет. И я опять ~~ждал~~ принялся ходить по камере, как маятник Фуко, или Максвела, или я уж не знаю, какие там еще бывают маятники; но только я все ходил и ходил, но никаких высоких мыслей больше ко мне не приходило; а я был как на вокзале и, как бы, ожидал поезда, чтобы куда-нибудь

ехать на нем, а он все не приходил; и я время от времени вскидывался и повторял: "Ну когда же он придет?!" Но кто- "он", я не знал и даже об этом не думал, но во всяком случае, не поезд имел в виду. Наконец я выдохся ходить и присел на кровать, чтобы отдохнуть и перевести дух. Но едва я собрался перевести дух, как тут же вскочил снова, потому что в коридоре послышались шаги.

Шаги были четкие, уверенные и даже решительные, так что я сразу понял, что это идут ко мне. Я опять сел. На всякий случай, чтобы не подумали, что я кого-нибудь жду. Я настороженно прислушивался: я хоть и знал, что идут ко мне, но все же очень боялся, что вдруг не ко мне, а вместо этого шаги приближаются, а потом удаляются, пройдут; и я весь напрягся; и как будто что-то подталкивало меня сзади, приподнимало меня; но я держался и сидел.

Шаги приблизились и замерли у моей камеры. Два раза повернулся ключ. Открылась дверь - вошел полковник Шедов. Я его сразу узнал.

- Добрый вечер, - сказал полковник и щелкнул каблуками.

Я встал.

- Здравствуйте, полковник, - сказал я, - я хочу заявить протест.

- Против чего? - сухо поинтересовался полковник.

- Против незаконного заточения, то есть, я хочу сказать, заключения в тюрьму.

- Садитесь, - пригласил полковник, - садитесь - поговорим.

— Хорошо, поговорим, — решительно сказал я и сел. Я решил не сдаваться, я решил твердо отстаивать свои права и в этой борьбе или погибнуть, или отстоять свою независимость.

— Довольно мягкости, — подумал я, — довольно бесхребетности. Настало время свершений. Это будет мой последний и решительный бой, и если я его не выиграю, я проиграю. Именно благодаря мягкости и бесхарактерности я и попал сюда и теперь нужно проявить твердость, максимум твердости, — сказал я себе и поднял глаза на полковника. Полковник холодно смотрел на меня и ни о чем не спрашивал. Вообще ничего не говорил, — молчал.

— Зачем мне начинать первым, — подумал я, — я ни в чем не виноват: пусть он предъявит мне обвинение, а там посмотрим. Пусть первый выскажетя, а я послушаю. А потом уже я скажу: лучше говорить последним. Хорошо смеется тот, кто смеется последним. Но он все смотрел на меня и молчал. Не то чтобы мне стало не по себе, нет: просто как-то не совсем удобно, когда человек ждет от тебя, что ты ему что-нибудь скажешь, а ты смотришь ему в глаза и молчишь. Но я все-таки держался и продолжал молчать. Я даже решился смерить его глазами. Так смерил с головы до ног. Его узкие и длинные сапоги были покрыты пылью, как будто он вернулся из дальней дороги или из странствий, но на сапогах сверкали глянцем тонкие рисочки от его стэка, которым он, вероятно, похлестывал себя по сапогам, а теперь он держал этот стэк в руках и сгибал его то вверх, то вниз. Но я несмотря на это продолжал его мерить: я

стал мерить его снизу вверх, осмотрел его измятый, но отлично сшитый мундир, дошел до накладного нагрудного кармана со складочкой и, наконец, встретился с ним глазами.

Полковник отложил в сторону свой стак и достал из бокового кармана /тоже со складочкой/ маленький кожаный портсигар. Он вежливо протянул его мне.

- Курите, - предложил полковник.

- Спасибо, полковник, я не курю.

- Ну, а я закурю, - сказал полковник, вы уж простите, не могу: в нашем деле не курить - невозможно. Вы и представить себе не можете, какая нервная у нас служба: не служба, а настоящий ад.

Полковник жадно затянулся и выпустил дым из ноздрей. Задумался.

- Та-ак, - сказал полковник после недолгого раздумья, - что же вы хотели мне сказать?

- Я ничего не хотел вам сказать, - ответил я, - это ваши люди притащили меня сюда и они говорят, что я убил человека, а я не убивал.

- Та-ак, - сказал полковник, - кого же вы убили?

- Я никого не убивал, это они говорят, что я убил.

- Вы не умеете вести диалог, - сказал полковник, - интеллигентный человек, а не умеете. Я спрашивал, кто убит, а не кто убийца.

- Они сказали, что я убит, они это сказали мне и моей жене. Да, они мне сказали, что я убит.

- Но ведь это же абсурд, - сказал полковник.

- Конечно, абсурд, - закричал я, - в том-то и все дело.

Полковник задумался, и я тоже задумался и мы оба некоторое время думали и молчали.

- Та-а-ак, - снова сказал полковник, - а кого же они обвиняют в убийстве?

- В том-то и штука, полковник, - неуверенно сказал я /мне даже было стыдно говорить такую глупость/, - в том-то и штука, что они обвиняют меня же.

- Но это, тем более, абсурд, - сказал полковник.

- Конечно, абсурд: ведь вот же я живой сижу перед вами.

- Вы могли бы об этом не говорить, - сказал полковник, - я это и сам вижу. Вот другой вопрос: за что вы сидите?

- Как? Я же вам сказал, полковник.

- Вы что-то скрываете, - мягко сказал полковник, - а я бы советовал вам признаться: чистосердечное признание облегчит вашу совесть.

- Что вы, я ничего не скрываю, полковник. Просто я сам ничего не понимаю в этой истории: Шпацик сказал мне, что я это не я, а другой человек, а меня убили и что это я убил - вот такой заколдованный круг.

- Не надо мистики, - иронически сказал полковник, - и я понял, что он мне не верит, - не надо вмешиваться суда трансцендентальные силы и колдовство. Повторяю вам: чистосердечное признание облегчит вашу совесть. Так что в ваших же интересах будет признаться во всем. Итак, расскажите мне все с самого начала.

Я тоже подумал, что так будет понятней и стал ему

рассказывать:

- Все началось с того, - начал я, - что я услышал по репродуктору объявление, которое меня поразило своей нелепостью: каждому, нашедшему мой труп...

- Ваш труп? - уточнил полковник.

- Да, - подтвердил я, - мой труп. В том-то все и дело.

- Хорошо, - сказал полковник, - дальше.

- Так вот, каждый, нашедший мой труп, должен был сообщить об этом в инстанции. Я решил выяснить, в чем тут дело: я сразу предположил, что это какое-то недоразумение. Я решил зайти домой, чтобы предупредить жену, чтобы она не беспокоилась /потому что она ведь тоже могла слышать это объявление, потому что она всегда слушает все объявления, чтобы не пропустить чего-нибудь важного/, а заодно я хотел узнать у нее, где находятся эти инстанции, куда нужно сообщить.

- Они находятся здесь, - сказал полковник, - дальше.

Я не стал рассказывать ему о своем предположении, - о том, что козни, так как боялся, что он заподозрит меня в пристрастии, а вместо этого высказал ему другое предположение, что, может быть, это не мой труп, а какого-нибудь моего однофамильца.

- А как вы думаете, полковник? - сказал я. - Ведь это вполне возможно. У меня все-таки довольно распространенная фамилия, ведь я не какой-нибудь там барон.

- Вы не барон, - ответил полковник, - продолжайте.

- Ну, а тут на углу четвертой Стигидиатской и проспекта Торжества Ретирады меня задержали ваши десантники, пол-

КОВНИК.

Тут я не сдержался и рассказал о том, как грубо они со мной обращались.

- Простите им это, - примирительно сказал полковник, - как великодушный человек, вы должны им это простить. Впрочем, продолжайте.

Я рассказал ему про нелепое обвинение и про очную ставку, и как меня привели к жене, и то, что она хоть и не сказала точно, что это я, но все же подтвердила, что я как две капли воды похож на ее мужа.

- По-моему, это заявление говорит в мою пользу, полковник, - сказал я.

- По-моему, напротив, - сказал полковник, - но продолжайте.

- Что продолжать? - сказал я. - Меня привели сюда, и я здесь вот уже не знаю сколько времени.

- Полтора суток, - сказал полковник. - Вы мне все рассказали?

- Все.

Мы замолчали. Полковник погрузился в глубокую задумчивость, а я задумался. Первое впечатление от ареста уже прошло, и после рассказа я увидел, что мое положение вовсе не так уж безнадежно, как казалось на первый взгляд. Для того, чтобы уверенней вести разговор, я стал суммировать факты. Полковник, по-моему, тоже суммировал.

- Итак, - наконец прервал молчание полковник, - какими фактами мы располагаем?

- Первое, - сказал полковник и загнул мизинец на левой

руке, - первое- это объявление по радио, это пресса, это крайне авторитетно.

- Но полковник, - перебил я его, - это ошибка. Может быть, это и авторитетно, но с другой стороны, ведь это может быть и не мой труп. Ведь я же обращал ваше внимание на то, что у меня много...

- Не перебивайте, - сказал полковник, - мы к этому пункту еще вернемся и рассмотрим его всесторонне.

Я замолчал и стал слушать дальше.

- Второе, - сказал полковник и загнул безымянный палец, - это заявление Шпацкого. Подумайте, насколько оно убедительно, не говоря уже о том, что это заявление десантника, а десант- это тоже достаточно авторитетно.

Я согласился и с этим пунктом.

- Третье, - сказал полковник, загибая средний палец, - ваша жена: она тоже вас не опознала.

- Но она же сказала, что я очень похож.

- Сходство и тождество- разные вещи: как интеллигентный человек, вы должны это знать. Но дайте мне кончить.

- А теперь четвертое и самое главное, - сказал полковник и загнул большой палец /указательного пальца у него не было/- четвертое- это исчезновение трупа.

- Какого трупа?- закричал я.- Я не знаю, о каком трупе вы говорите.

- Вашего трупа,- гневно сказал полковник и, разогнув большой палец, направил его на меня.

- Не было моего трупа.

- Как не было?- сказал полковник.- Подумайте, что вы

говорите. Где логика в ваших рассуждениях, интеллигентный вы человек! Разве то, ~~как~~ чего не было, может исчезнуть? Ну, скажите, разве может?

- Нет, - сказал я, - конечно не может. Но с чего вы взяли, что труп исчез?

Ха-ха-ха! - рассмеялся полковник. - Да с чего бы его стали разыскивать, если бы он не исчез? Ну скажите: вот вы являетесь обладателем вещи, - вы станете разыскивать эту вещь, если она у вас перед глазами? Станете вы?..

- Нет, конечно, - уверенно ответил я, - зачем мне разыскивать то, что есть?

- Вот именно, - сказал полковник, - не станете, и я тоже не стану, и вообще ни один нормальный человек не станет. А теперь представьте- наличествует труп. Нужно ли его разыскивать? Нет, не нужно, - сам себе ответил полковник, - и его не разыскивают- его берут и хоронят. Но если трупа нет, следовательно, он исчез. Логично? - спросил полковник.

- Логично, - ответил я.

- Так куда же он исчез?

- Да, куда же он исчез? - удивился я.

- Да, куда же он исчез? - задумчиво повторил полковник. Он глубоко затянулся.

- Но оставим до поры до времени этот вопрос, - сказал полковник, - оставим его. Как говорят французы: " " Прежде чем выяснить, куда девался труп, не лучше ли спросить: откуда он взялся?

- Да, действительно, полковник, откуда он взялся?

Полковник иронически улыбнулся тонкими губами.

— Действительно, — воскликнул полковник, — откуда он взялся? Вы само простодушие, — сказал полковник. — Ну хорошо, раз уж вас одолевает такое жгучее любопытство, давайте разберем этот вопрос. Но может быть тогда лучше уж с самого начала, ? Может быть гораздо конструктивнее будет спросить ~~х~~, откуда вообще берутся трупы?

Полковник проницательно посмотрел на меня.

— Ну... давайте, — я заерзal на своей кровати, — если это касается нашего дела...

— О-о-о, очень касается, — перебил меня полковник, — весьма касается, — сказал полковник, вставая и подходя к раковине, но при этом не переставая оглядываться на меня, — я бы даже сказал, что, собственно, и является нашим делом.

Он погасил в раковине сигарету и вернулся на место.

— Ита-а-ак, — сказал полковник, — откуда же берутся трупы? Как известно, — сказал полковник, — трупами не рождаются, ими становятся. Существует два принципиально различных способа образования трупа, но при любом из этих, подчеркиваю, принципиально различных способов, образованию трупа предшествует существование субъекта.

Первый способ образования трупа — способ естественный, то есть тот, при котором в процессе трупообразования участвует /хоть и пассивно/ исключительно предшествующий субъект. Этот способ не имеет отношения к нашему с вами делу, и мы с вами рассматривать его не будем.

Обратимся ко второму способу, как к наиболее нас интересующему. Это насильственный способ, при котором труп

образуется в результате насильственной смерти субъекта. Вот этот способ и требует самого внимательного рассмотрения.

Какие же факторы необходимы для образования трупа вторым нужен способом?

- Фактор первый, четко сказал полковник, загибая мизинец, - фактор первый- субъект-жертва.

- Фактор второй,- сказал полковник,- выпрямляя загнутый мизинец,- фактор и второй- это- субъект-убийца. Вы слышите?- значительно повторил полковник.- Субъект - убийца!

Убийство,- сказал полковник тихо, как будто совершил обессилев,- убийство есть тягчайшее из преступлений. Вдумайтесь в это слово,- сказал полковник,- убийство: трупообразование вторым способом. Убийство человека- это же преступление против человечества, ибо человек является частью человечества. Че-ло-век,- раздельно повторил полковник,- вслушайтесь, как это звучит. Человек! Это часть вселенной! А убийство человека- это преступление против вселенной.

В государстве законности и порядка горит земля под ногами преступника. Ни одно, даже самое милое, самое ничтожное преступление не должно остаться безнаказанным. В государстве законности и порядка- основным принципом является принцип неотвратимости наказания. Неотвратимости. Вы понимаете? Каждый несет суровое, но заслуженное наказание. Но прежде чем покарать убийцу,- сказал полковник,- его необходимо найти. Мало того,- сказал полковник,- нужно доказать его виновность. И вот тут возникает вопрос:

какими доказательствами располагает обвинение?

Важным доказательством преступления могут служить показания свидетелей, но в данном случае нет свидетелей убийства, поскольку убийство было совершено без свидетелей.

При отсутствии свидетельских показаний суд ограничивается признанием субъекта-убийцы и вещественными доказательствами. Эти два фактора так же необходимы для установления состава преступления и вынесения приговора, как для самого преступления /в данном случае образования трупа/ необходимы субъект-убийца и субъект-жертва. Надеюсь, это вам ясно?

Теперь: что может являться вещественным доказательством? Прежде всего, вещественным доказательством убийства может явиться субъект-жертва, посредством убийства преобразованный в труп.

В нашем с вами деле отсутствует вещественное доказательство такого рода, в виду того, что мы с вами только что установили факт исчезновения трупа.

Какими же вещественными доказательствами мы с вами располагаем? Мы располагаем только одним вещественным доказательством, — сказал полковник и выпустил дым тонкой струйкой в бок, — только одним, зато подтвержденным косвенными показаниями свидетелей, — полковник загадочно улыбнулся и полез в карман помятого, но отлично смитого мундира, — только одним доказательством, — повторил полковник, — но зато каки-и-им!

Быстрым движением он раскрыл какую-то книжку и сунул ее мне под нос. На маленькой блестящей фотокарточке я уви-

дел свое лицо: это был мой паспорт.

Я смотрел и недоумевал. Я вообще-то не очень удивился: разумеется, мне было ясно, что это Шпакский передал полковнику Шедову отобранный у меня паспорт, но я как-то не думал, что это доказательство, и поэтому теперь недоумевал. Увидев мое недоумение полковник торжествующе улыбнулся и спросил:

- Ну, что вы на это скажете?

Я сказал, что не понимаю, почему это является доказательством.

- Сейчас объясню, - сказал полковник и стал объяснять:

- Как известно, - сказал полковник, - по существующему положению паспорт оформляется не заочно: его торжественно вручают, и вручают определенному лицу. Рассматриваемый нами паспорт был вручен субъекту, преобразованному в исчезнувший и разыскиваемый труп. Теперь может быть вы ответите на вопрос: каким образом этот паспорт оказался у вас?

- Конечно, отвечу, - ответил я, - это мой паспорт: я получил его законным и торжественным путем, как все.

- Но вы же не труп, - сказал полковник, - а мы с вами установили, что паспорт принадлежит трупу.

- Откуда я знаю, труп я или не труп? - закричал я, выведенный из себя. - Этот паспорт принадлежит мне, я получил его законным путем; и вообще мы с вами не договаривались, что он принадлежит трупу.

- Извольте, - сказал полковник. - Соответствует ли

паспортные данные лица, поименованного в паспорте, паспортным данным бывшего лица, преобразованного в труп, в таком виде исчезнувшего и разыскиваемого при помощи прессы?

- Да,- сказал я,- соответствуют. Но здесь какая-то ошибка, потому что я не труп.

- Вы-то не труп,- сказал полковник Шедов,- но это и не ваш паспорт.

Я очень устал от этого спора, и я ничего не мог сказать, кроме как повторить, что это мой паспорт.

- Боже, когда кончится эта пытка!- простонал полковник.- Ну почему вы не хотите честосердечно во всем признаться? Неужели вы не видите, что нам от вас ничего не нужно, кроме честосердечного признания: ведь речь идет о вас и о вашей совести.

Полковник из заднего кармана достал белоснежный носовой платок.

- Не хотите?- сказал полковник, вытирая пот со лба.- Ну хорошо. Раз вы утверждаете, что этот паспорт соответствует вам как субъекту, мне придется снова повторить вам всю цепь доказательств. Итак, по радио делается объявление. Объявление о розыскании трупа. Следовательно, труп исчез. Прежде чем исчезнуть, он появился. Прежде, чем появиться, он существовал в качестве субъекта. В качестве субъекта трупу был выдан паспорт. Паспортные данные соответствуют данным, объявленным по радио. Таким образом, цепь замкнулась. Что вы на это скажете?

Я молчал, я решил молчать.

- Ваше молчание более красноречиво, чем ваши объяс-

нения, — сказал полковник, — но было бы лучше, если бы вы признались во всем сами. Поверьте, я действую в ваших собственных интересах: для вас же будет лучше облегчить свою совесть чистосердечным признанием, но если вы намерены упорствовать, вернемся снова ко второму и третьему пунктам.

Я решил нарушить молчание.

— А что это за пункты? — спросил я.

— Как! Разве вы не видели, как я загибал пальцы? — обиделся полковник.

— Нет, я видел, только я не запомнил: какой второй, а какой третий.

— Хорошо. Вы ведь не отрицаете, что в детстве проходили всеобщее школьное обучение совместно с сержантом-десантником Шпациком, из чего вытекает, что он является вашим бывшим одноклассником?

— Разумеется: я это утверждаю, — сказал я.

— Следовательно, Шпацик при встрече с вами должен был опознать вас, как своего одноклассника, не так ли?

— Да, это так, — подтвердил я.

— Но он не опознал вас как своего одноклассника, — на-против, в своих свидетельских показаниях он утверждает, что вы не являетесь его одноклассником.

— Так...

— Следовательно, по его показаниям, это — не вы?

— Ну как же не я! — я все никак не хотел примириться с этой мыслью.

— По показаниям Шпацикого!!!

- А-а-а, по его показаниям...

- Та-а-ак, а теперь перейдем к пункту третьему: вот ваша жена, - полковник замялся, - простите, но здесь неуместна такая уж хм... как бы это получше сказать... ну, скажем, деликатность: вопрос серьезный, согласитесь. Словом, я коснусь некоторых сторон вашей интимной жизни.

Я сжался: я подумал, что вот сейчас он начнет спрашивать про ласки, но тут уж я твердо решил молчать.

- Ничего ему не скажу про ласки, - отчаянно подумал я, - ни слова, хоть пусть он меня режет и жжет.

Но полковник не стал меня про это спрашивать: он спросил:

- Скажите, как вы думаете, ваша жена вас любит?

- Конечно, любит, - сказал я, хотя и не был теперь в этом особенно уверен. Но мне хотелось на это надеяться, - да, она меня любит.

- Что ж, я верю вам, - сказал мне полковник, - но если она вас любит, то почему она вас не опознала?

Я не знал, что ему на это сказать.

- Молчите? - сказал полковник. - Хотите, я вам отвечу на этот вопрос? - и ответил. - Она не опознала вас, потому что это не вы.

- Не я?..

- Не вы.

Итак, из показаний двух свидетелей, за надежность которых вы поручились сами, вытекает, что это не вы.

У меня как-то все это в голове не укладывалось.

- Что же мне делать, полковник? - спросил я растерянно.

- Сознаться, - ответил полковник.

- Нет,- сказал я,- нет. Что угодно, но сознаться в том, что я убил человека!.. Нет.

Полковник встал. Он взял с кровати мой паспорт и спрятал в нагрудный карман, в боковой карман положил портсигар, и носовой платок засунул в задний карман брюк. Он взял с кровати стэк.

- Ну что ж,- сказал полковник,- как угодно. Но знайте одно: сколько бы вы не изворачивались, какие бы доводы вы не приводили, как бы убедительно не выглядели ваши показания, ваша ложь в конце концов будет изобличена. Я предложил вам раскрыть карты- вы отвергли мое предложение. Я - человек прямой, чуждый всевозможных тонкостей и уверток. Я не дипломат- я солдат. Я вижу: вы не хотите честной игры- вы вооружились ловкостью и изворотливостью, но в конечном итоге, я сильнее вас. И знаете почему?- полковник пронзительно посмотрел на меня.- Потому,- сказал полковник,- потому что в моих руках такое сильное оружие, как правда.

Полковник резко повернулся и сделал шаг к двери.

- Полковник!- окликнул я полковника.

Он с готовностью обернулся.

- Да, я вас слушаю.

- Полковник, я здесь вот уже... Вы сказали, что я уж полтора суток здесь? Я, понимаете ли вот... Меня забыли накормить,- так вы не могли бы сказать?..

Лицо полковника выразило разочарование.

- Вам принесут поесть,- сухо сказал полковник и вышел.

Он вышел, и я остался один. Я стал думать о еде. Конечно, это может быть и не слишком высокие мысли— о еде, но я ни о чем другом не мог больше думать; а что касается возвышенности этих мыслей, то бывают мысли и ниже, у меня, например, бывают. Итак, я стал думать о том, что меня, наверное, скоро накормят; однако, несмотря на обещание полковника, мне никто ничего ненес.

Я встал и подошел к железной двери. Я для пробы толкнул ее ногой, но она, разумеется, была заперта.

— Конечно,— сказал я,— глупо было бы думать, что они могут оставить ее открытой; да мне и ни к чему: я ведь не собираюсь бежать?

Я наклонился к окошечку и потрогал пальцем глазок, вернее, чуть дальше, ту заслоночку, которой он был снаружи прикрыт. Я попытался подковырнуть ее пальцем, чтобы отодвинуть ее и что-нибудь увидеть в коридоре, но у меня ничего не получилось.

— Нет,— не удается,— сказал я себе,— да это мне ничего и не даст, а вот надо покричать, а то похоже, что обо мне забыли.

— Эй!— крикнул я,— эй!— и подождал.— Эй-эй! Кто там есть?

Из коридора ничего не слышалось.

— Что за черт!— сказал я и испугался, потому что в собственном голосе услышал рыдание.

— Что это я?— испугался я.— Что это я, надо держаться: наверное, они как раз сейчас готовят. Жалко, что я не знаю, который сейчас час: может быть, еще просто не время ужинать. Наверное, здесь всех кормят в одно время /я, прав-

да не был уверен, что здесь еще кто-нибудь есть, кроме меня.»

Я лег на постель, поверх одеяла - в камере было очень жарко, и свет тотчас же погас, как будто только и ждали, чтобы я лег.

- Теперь молчать, - подумал я, - больше ни звука: сжаться в комок и молчать.

И я сжался комочком, даже, скорее, калачиком, под голову - кулак, и подбородок - в колени: так мне было спокойней; и первое время я молчал и в напряжении не думал, потому что мысли мои как будто сжались в комок, но постепенно они разжались и стали по-немногу возвращаться, хотя и грустные, и печальные, но потом - отчасти утешительные. Впрочем, утешительных мыслей особенно-то не было - после беседы с полковником Шедовым мне было ясно, что впереди ничего хорошего не предвидится, но у меня было такое ощущение, что я не совсем проиграл. Правда, ничего не выиграл, но и не проиграл. Конечно, я не умею правильно вести диалог, и поэтому, я ничего не смог ему доказать, но и он мне тоже не смог, а в этом уже была победа, а уж, во всяком случае, не поражение. Может быть, какой-нибудь умный человек посмеялся бы над этими моими мыслями - я знаю: в них не хватает логики, но пусть он поставит себя на мое место. Вот я посмотрел бы, как бы он доказал свою правоту. Нет, очень трудно выстоять в одиночку, даже обладая опытом и железной логикой; а я ни того, ни другого не имел. И все-таки я выстоял. То есть не совсем выстоял, но все-таки... Пусть даже я остался здесь, в тюрьме, в камере,

на кровати, поверх одеяла; вот лежу я скорчившись, съевшись, сжавшись комочком и даже калачиком, и все-таки у меня еще что-то осталось, немного, но осталось. Да, конечно, в руках у этого полковника аргументы, а кроме аргументов, у него показания свидетелей и вещественные доказательства, и логика; и, конечно, в его руках было такое сильное оружие, как правда, — но у меня тоже что-то было, я не знаю что, но что-то было.

Заснул я как-то неожиданно и увидел странный сон. Это был какой-то глупый, даже дурацкий сон, но одновременно и зловещий. Я и прежде неоднократно видел во сне, как будто я пробираюсь по улицам голый, и на этот раз мой сон начался таким образом. Я прятался за бетонным парапетом станции метро, но и станция, и площадь, и две улицы, углом расходящиеся от нее, были мне незнакомы. За парапетом находился спуск в метро и в подземный переход, дальше, за этим провалом, шел второй парапет, на котором спиной ко мне сидели несколько человек. Эти люди — я знаю, были ли среди них женщины, или только мужчины, ничего не делали, даже не разговаривали. Дальше, на площади, было много народа, но все они тоже были, как будто на чем-то сосредоточены, и пока никто не обращал на меня внимания. Я осторожно подумал, что вот сейчас кто-то поймет, что я голый, и тогда что-то случится. Я заставил себя обернуться и увидел, что сзади еще больше народа, чем на площади, но они вроде бы, как и те, напряженно что-то высматривают. Внезапно я понял, что они ищут именно меня, но пока еще, что-то мешает им разглядеть меня в толпе. Я, пригибаясь, потихоньку стал пробираться вдоль парапета и, обогнув его, сбежал по

асфальтовому спуску вниз. Здесь я сообразил, что сделал ошибку, здесь было не так многолюдно, как наверху, и я больше рисковал быть замеченным. Тем не менее, и здесь меня тоже пока что не замечали.

Почти прижимаясь к стене, я крался по переходу, но вдруг я понял, что кое-кто уже давно следит за мной: я не видел, кто именно и вообще ничего подозрительного, но буквально чувствовал слежку всей обнаженной кожей; это было особенно знобящее ощущение настойчивого взгляда, даже не взгляда, а самого внимания и преследования.

Я остановился у плоского остекленного ящика, витрины, где на одном из плакатов /желтом по цвету/ был изображен японец, останавливающий коня, а под этим японцем крупным черным шрифтом было напечатано:

П Р А В Д А
О Б О Р Ъ Б Е
Д Ж И У - Д Ж И Т С У

Я сделал вид, что внимательно рассматриваю этот плакат, а сам стал смотреть, как на стекле мелькают неясные отражения прохожих, а за ними, дальше еще более неясные, уж совсем неразличимые силуэты соглядатаев. И я с внезапной тоской осознал, что мне никуда не деться, не отвязаться от них, и что они будут следовать за мной, куда бы я ни пошел, но что, несмотря на это, я должен принять и идти- эту необходимость я тоже сознавал, хотя и не понимал ее причины.

Я двинулся тоннелем вперед, не оглядываясь и зная, что те продолжают преследовать меня, что у них на это есть

тайный приказ; но теперь уже и прохожие, как мне показалось, стали обращать внимание на меня, и некоторые переглядывались, как бы на что-то намекая друг другу; а потом присоединились и добровольцы, и уже довольно много народа шло за мной.

Я невольно ускорил шаги. Я чувствовал, что мне этого ни в коем случае делать нельзя, что если я побегу, то тогда уже вся толпа сорвется и помчится за мной, и даже те, которые идут навстречу, и те побегут. Тем не менее, я шел все скорей и скорей и наконец не выдержал, рванулся и, буквально как заяц, помчался вперед по тоннелю. И сразу же никого не оказалось впереди меня, а все сзади. Я в паническом ужасе пролетел мимо рекламных щитов, и квадратных бетонных колонн, а по сторонам не было ни двери, ни проуличка, чтобы свернуть, и впереди не виделось конца.

А потом все это как-то само собой кончилось, как будто растворилось, а может быть, провалилось; и сразу же, без всякой связи с предыдущим, начался другой сон. Это был успокоительный сон: мне снилось, что я сижу у себя дома, в комнате, на вращающемся стуле для рояля, а напротив, на диване, сидит моя жена. Да, она сидела на диване, напротив меня, и была нежна и приветлива, как когда-то, в первое время после нашей свадьбы; но только теперь она была как бы врач. Во всяком случае, она была одета как врач: в белой медицинской шапочке и в белом халате, и вокруг шеи у нее были гнутие никелированные трубочки, которые переходили и заканчивались на груди стетоскопом.

И я сидел на табурете и рассказывал ей всю свою жизнь, и мне было и грустно, и приятно рассказывать ей жизнь, потому что она сочувственно и ласково улыбалась мне и кивала головой, и гладила рукой по щеке. И при этом она говорила мне что-то участливое и тоже грустное, но это грустное, по-видимому относилось к прошлому: что-то вроде того, что все уже прошло и теперь будет хорошо.

— Снимите рубашку, — сказала мне жена теплым медицинским тоном и вставила в уши никелированные трубки стетоскопа.

Я снял рубашку, и она принялась простукивать и пролушивать меня. Она приставила стетоскоп к моей груди, пониже сердца и слушала сосредоточенно и долго, и мне было так сладко, что у меня время от времени замирало сердце, и это, наверное, мешало ей слушать. Потом она выпрямилась и вынула трубки из ушей, она улыбнулась мне.

— Подожди здесь, — сказала она, — подожди, — и вышла.

Она вышла, а я стал ждать: я ждал. Я ждал некоторое время, но потом стал приходить в недоумение, потому что оказалось, что я сижу не напротив дивана, а посреди комнаты, а дивана не было, и вообще никаких вещей не было, да и комната как будто была не моя. То есть и моя, а в то же время совершенно чужая. Мне еще не было страшно, но уже становилось не по себе. Я смотрел на дверь, которая оказалась перед моими глазами, и ждал, что кто-то сейчас войдет в комнату, но уже было ясно, что это будет не жена. И правда, дверь медленно отворилась и вошел полковник Шедов.

— Что вы здесь делаете, полковник? — хотел было спросить я, но понял, что этот вопрос был бы излишним, потому-

ЧТО Я ОТЛИЧНО ЗНАЮ, ЧТО ПОЛКОВНИК ЗАВЕДУЕТ У МЕНЯ ДОМА ТЕХНИКОЙ ПОЖАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.

Полковник улыбнулся своим длинным, безгубым ртом, и я увидел, что он уже давно все знает. Держа в руках дерматиновый чертежный футляр, он подошел к стене и обернулся.

- Итак,- сказал полковник, продолжая улыбку,- вы утверждаете, что учились в школе вместе с сержантом-десантником Шпацким. Возможно,, но во всяком случае, если вы и знакомы с ним, то весьма поверхностно: вы не коснулись основ и не проникли в суть предмета. Поэтому я должен подвергнуть вас небольшому экзамену. Вы не против?

- Какая разница против я или не против?- подумал я и сказал.- Спрашивайте, мне все равно.

- Отлично,- сказал полковник, и развернув, он повесил на стену плакат,- читайте!

На плакате крупными черными буквами было написано одно слово:

Б О Р Ъ Б А

- Борьба,- прочел я вслух.

- Так,- сказал полковник,- а теперь прочтите по буквам.

- Бе-о-эр- мягкий знак-бе-а.

- Неверно,- сказал полковник,- Шпацкий!

Шпацкий подскочил к полковнику, отдал ему честь и повернулся ко мне.

- Буква "бе",- сказал Шпацкий,- повторяется в слове "борьба" два раза: следует читать: бе-о-эр-беприм-а.

- Верно,- сказал полковник,- а теперь...

Он развернул и повесил на стену другой плакат, на котором было написано:

П Р А В Д А

- Правда, - прочел я, - и повторил по буквам, стараясь не ошибиться, - пе-эр-а-ве-де-априм.

- Нерправда! - крикнул полковник, - Шпацик!

Шпацик щелкнул каблуками, но мне показалось, что челюстью.

- Пеприм-эр-а-ве-де-адва, - Шпацик щелкнул челюстью, - ты слышал, скотина? а-два. Прочти по буквам: ве-де-а- как раз и получается: два.

- Вот видите, - сказал полковник, - он знает - вы нет.

А еще говорите, что учились с ним в одном классе.

- Да он врет! - крикнул Шпацик. - Он всегда врет, он всю жизнь врет, он и в школе врал; так откуда же ему знать, как пишется "правда"? Кретин- оскалился Шпацик, - ты в плена у своих представлений, да что там, ты весь из своих представлений. Нужно мыслить каламбурами, нужно мыслить парадоксами, нужно понимать с полуслова, с четверти слова, с буквы слова. Ду-рачо-хо-хо-ок! - засмеялся Шпацик. - Нужно следовать правилам: только так можно понять суть вещей и явлений.

- Он никогда не поймет сути вещей и явлений, - раздался рядом маслянистый баритон, и джиу-джиски выпучил на меня нефтяного цвета глаза, - потому что он не следует правилам, и все понимает наоборот. Вот почему он в плена своих представлений.

- Что? - крикнул я. - Это неправда: я вас побил.

- Вранье, - ответил джиу-джиски, - я покажу, а вы повторите. да, повторите, попробуйте. Ну, повторяйте же!

И-и-и-и-...

Джиу-раз,

Джиу-два,

Джиу-всемьдесят два!

Джиу-джиски поразил воздух каким-то очень хитрым движением.

- Дела-а-а-ай!

Я сделал - и не успел скрочиться от острой боли в суставе, как почувствовал, что лечу куда-то в темноту.

Я больно ушибся копчиком и, с трудом приподнявшись на локтях, открыл глаза.

Кругом была непроглядная ночь. Я понял, что я находюсь в камере, и что я проснулся. Однако боль в копчике и в правом локте не проходила, и я подумал, что во сне упал с постели на пол. Я пошарил вокруг себя руками и нашупал край своей деревянной кровати: нет, я не падал во сне. Боль в копчике не проходила: не слишком сильная, но все-таки была. Я вспомнил о нескольких пинках, полученных мною от Понтилы. Я поднял левую руку, которая не болела, и тыльной стороной ладони вытер пот со лба. Я опустил ноги на пол и взялся рукой за сердце. Оно билось так сильно, что отдавалось стуком мотора в висках. Ощущью я добрался до умывальника, открыв кран, сунул голову под холодную струю и держал так до тех пор, пока не заломило затылок. Тогда я вернулся на кровать и сел, с отвращение чувствуя,

как вода стекает мне за воротник. Я почти совсем пришел в себя, но меня все не покидало ощущение нереальности, видимо, оттого, что я не имел никакого представления о времени. Сидя, я уткнулся лицом в колени и оцепенел.

Я очнулся оттого, что опять зажегся свет, и очнулся я с такой мыслью, что сейчас что-то произойдет.

— Сейчас что-то произойдет, — подумал я, и правда, дверь бесшумно открылась, и в дверях появился полковник Шедов.

— Можно? — спросил полковник Шедов, появившись в дверях.

— Он еще спрашивает! — подумал я, возмущаясь одним только разумом /негодовать по-настоящему у меня не было сил/, — еще спрашивает, — лениво подумал я, — просто издевательство какое-то! Войдите, — сказал я.

Полковник вошел и сел на противоположную кровать.

— Курите, — сказал полковник и протянул мне свой кожаный портсигар.

— Спасибо, — сказал я, — я не курю. Я очень голоден, полковник, — напомнил я ему, — вы обещали, что меня накормят, но меня не накормили.

— Вас накормят, — сказал полковник, — но сначала нам предстоит уточнить некоторые вопросы, так сказать, поставить точки над *и "и"*.

Полковник закурил и замолчал. Я тоже молчал и не поддерживал разговора: у меня не было никакого желания говорить и даже слушать. Я желал только одного, чтобы полковник поскорее ушел и оставил бы меня в покое: я уже не

мечтал о том, чтобы меня выпустили отсюда, мне даже не хотелось на свободу— свобода принесла бы мне какие-нибудь новые хлопоты или беспокойства,— мне также все равно было, накормят меня или нет: мне уже и есть перехотелось, а спросил я просто так, может быть, по инерции, или мне хотелось досадить полковнику, вообще же, мне все было безразлично, и только вежливость мешала мне снова уткнуться лицом в колени; и поэтому я сидел и сонными глазами смотрел на полковника, и ждал, когда он докурит, наконец, свою сигарету.

Полковник, наконец, докурил. Он погасил сигарету в раковине и вернулся на свое место. Его движения были вялы и медлительны: было похоже, что ему тоже все это надоело и он устал.

— Итак,— скучным голосом сказал полковник,— поставим точки.

— Точки?..— переспросил я.

— Да, точки... над "и". Вы что, забыли?

— А-а-а, да,— сказал я,— точки...

— Ну вот, мы их с вами и поставим,— сказал полковник,— Можно?

Я пожал плечами.

— Спрашивайте, мне все равно.

— Вы решительно отвергаете выдвинутые против вас обвинения?— спросил полковник, рассматривая сигареты в портсигаре.

— Да, решительно, — ответил я. Но в моем голосе вовсе не было решительности. Вообще мне на это уже было напле-

вать, и если я продолжал держаться прежних показаний, то только потому, что новые показания повлекли бы за собой новые вопросы, а мне и старых было довольно.

- Из этого следует, - сказал полковник, вынимая сигарету из портсигара, - что вы настаиваете на идентичности.

- На какой идентичности? Простите полковник, я сейчас плохо соображаю.

- Ну, вы утверждаете, что являетесь разыскиваемым трупом.

- Нет, полковник, - сказал я, - я являюсь живым человеком, а что касается трупа, то я по-прежнему уверен, что здесь произошла ошибка.

- Вы крепкий орешек, - сказал полковник, - вы стойко держитесь, и ваша стойкость вызывает у меня уважение. Однако, вернемся к нашей с вами проблеме: вы утверждаете, что являетесь тем самым лицом, паспорт которого я вам предъявлял?

- Да, - коротко ответил я.

- Значит, вы утверждаете, что объявление по радио, заявление сержанта-десантника Шацкого и неуверенность вашей жены - все это ошибка?

- Да, - сказал я, - могут же люди ошибаться?

- А вы? - сказал полковник, глядя мне в глаза.

- Что я?

- Вы можете ошибаться?

- Да, конечно, полковник, но я уверен, что не в случае с самим собой.

- Хорошо, оставим это в стороне, - сказал полковник,

62

закуривая сигарету, — допустим, что я, лично, верю вам; даже не "допустим", а я вам верю. Да, я смело и открыто заявляю вам, что я вам верю. Более того, скажу вам больше. Знаете, что я скажу вам? Я скажу вам, что я отлично понимаю страдания вашей истерзанной души. Страдания души человека, ставшего жертвой ужасной ошибки, я бы даже сказал, роковой ошибки, — полковник вытащил из нагрудного со складочкой кармана носовой платок и высморкался, — я понимаю страдания вашей истерзанной души и глубоко вам сочувствую. Ну, что вы на это скажете? — спросил полковник и выжидательно на меня посмотрел.

Я растерялся: этот поворот был для меня настолько неожиданным, что я растерялся. Я смотрел на полковника и не знал, что сказать. Полковник затянулся сигаретой, выпустил дым и дружески мне улыбнулся.

— Ну!.. — ободряюще сказал полковник.

Я не понимал: я некоторое время смотрел на полковника, все путалось у меня в голове, да и сама голова кружилась от слабости. Наконец, я смог говорить, можно сказать, что я обрел дар речи.

— Полковник, — сказал я, — значит вы верите мне? Я правильно вас понял?

— Правильно, правильно, — закивал головой полковник, — абсолютно правильно: я, лично, вам верю.

У меня сейчас не было сил даже обрадоваться по-настоящему, так я был измотан, но сердце мое всегда было открыто добрым чувствам, а благодарность — это доброе чувство, так что я, сколько мог, постарался это выразить.

— Вы просто не представляете, насколько я вам благо-

85

дарен, полковник, - расстроганно сказал я, - вы просто не представляете, что вы для меня сделали, я вам этого никогда не забуду.

- Ну-ну, - отмахнулся сигаретой полковник, - ну, что там, пустяки.

Я с благодарностью смотрел на полковника. Нет, свобода - это великая вещь, - свобода - это самое прекрасное, что можно придумать; и что бы там я ни говорил раньше, в минуту упадка, что я мол и не хотел бы на свободу, потому что проблемы; нет, какие там проблемы? Конечно, я уже всей душой был там, на свободе, дома, с женой. Свобода придала мне сил и веры в справедливость.

- Полковник, - все еще не веря в свое счастье, - сказал я, - значит, я... нет, вы не подумайте: мне очень приятно ваше общество, и я так вам благодарен, что это невозможно выразить словами - что слова? Пустой звук, - но я надеюсь впоследствии доказать вам свою благодарность на деле: я теперь буду очень осторожен, и ни в коем случае не поставлю себя в такое двусмысленное положение, как это случилось на этот раз; и мне очень неудобно, что я так вас затруднил - ведь вам пришлось с таким трудом распутывать это сложное дело - пожалуйста, не подумайте: мне, в самом деле, очень приятно ваше общество, но с другой стороны мне бы очень хотелось увидеть свою жену: мне кажется, что я не видел ее уже сто лет.

- Хм, - сказал полковник.

Я посмотрел на него.

- Что, есть какие-нибудь затруднения, полковник?

65

дарен, полковник, - расстроганно сказал я, - вы просто не представляете, что вы для меня сделали, я вам этого никогда не забуду.

- Ну-ну, - отмахнулся сигаретой полковник, - ну, что там, пустяки.

Я с благодарностью смотрел на полковника. Нет, свобода- это великая вещь, - свобода- это самое прекрасное, что можно придумать; и что бы там я ни говорил раньше, в минуту упадка, что я мол и не хотел бы на свободу, потому что- проблемы; нет, какие там проблемы? Конечно, я уже всей душой был там, на свободе, дома, с женой. Свобода придала мне сил и веры в справедливость.

- Полковник, - все еще не веря в свое счастье, - сказал я, - значит, я... нет, вы не подумайте: мне очень приятно ваше общество, и я так вам благодарен, что это невозможно выразить словами- что слова? Пустой звук, - но я надеюсь впоследствии доказать вам свою благодарность на деле: я теперь буду очень осторожен, и ни в коем случае не поставлю себя в такое двусмысленное положение, как это случилось на этот раз; и мне очень неудобно, что я так вас затруднил- ведь вам пришлось с таким трудом распутывать это сложное дело- пожалуйста, не подумайте: мне, в самом деле, очень приятно ваше общество, но с другой стороны мне бы очень хотелось увидеть свою жену: мне кажется, что я не видел ее уже сто лет.

- Хм, - сказал полковник.

Я посмотрел на него.

- Что, есть какие-нибудь затруднения, полковник?

- Хм, - повторил полковник, - боюсь, что вы меня неправильно поняли. Боюсь, что вы должно истолковали мое доверие.

- Как, полковник? - не понял я. - Ведь вы же сказали, что вы мне верите.

- Я, лично, вам верю, - поправил меня полковник, - лично я; но это вовсе не означает, что и все остальные в этом вопросе поддерживают меня. Согласитесь, что обвинения, выдвинутые против вас, независимо от того, истинны они или ложны, все-таки достаточно серьезны, и с этими обвинениями против вас выступили пресса и десант. Не стоит лишний раз повторять, что это достаточно авторитетно, но сами подумайте, как выглядит ваше заявление о тождестве в свете презумпции невиновности.

- А что это за призумпция? - спросил я.

- Презумпция невиновности есть признание факта невиновности юридически достоверным до тех пор, пока не будет доказана виновность. Согласно этой призумпции, каждое сомнение должно быть толкуемо в пользу обвиняемого.

- Это прекрасная презумпция, полковник! - воскликнул я. - Я и не знал, что бывает такая презумпция. Ведь теперь всякое сомнение толкуется в мою пользу.

- По-моему, против, - сказал полковник.

- Ну как же против, полковник? - закричал я. - За!

- Против, - сказал полковник и спросил. - Как по-вашему, кто в данной ситуации является обвиняемым?

- Ну, как кто? Я, конечно, ведь мы же говорили об этом.

- Так было, - сказал полковник, - так было до тех пор, пока вы не опровергли обвинений, выдвинутых против вас

прессой и десантом. При сомнении, возникшем в результате неуверенности вашей жены... словом, в той ситуации это сомнение толковалось бы в вашу пользу. Полковник снова закурил.

- Но разве ситуация изменилась, полковник? - спросил я.

- На сто восемьдесят градусов, - ответил полковник. - Опровергнув обвинения, выдвинутые против вас прессой и десантом, вы тем самым обвинили их в клевете. Таким образом, вы сами превратили их в обвиняемых и этим дали им в руки такое могучее средство защиты, как презумпция невиновности. Теперь сомнение вашей жены толкуется в пользу прессы и десанта; и само собой напрашивается вывод о том, что вы не являетесь мужем вашей жены. Вы видите, что вы натворили?

Я был в отчаяньи.

- Но неужели ничего нельзя исправить? - спросил я. - Полковник, ведь я только защищаюсь, я же никого не обвиняю в клевете.

- Вы неразборчивы в средствах, - сказал полковник, - если вы опровергаете выдвинутые против вас обвинения, значит вы считаете их ложными; если вы считаете их ложными, значит обвинения, выдвинутые против вас - ложь; ложь не существует сама по себе, следовательно, кто-то лжет, отказываясь признать справедливость обвинений, вы обвиняете десант во лжи. Логично?

- Да, это, конечно, логично, полковник, - но ведь вы же мне верите?

- Я вам верю, - сказал полковник, - я вам верю. При

всей неубедительности ваших показаний, я чувствую вашу невиновность. Я ее чувствую шестым чувством. У меня вообще сильно развито шестое чувство, — сказал полковник, — это с детства. Это доставляет мне массу хлопот, но это так. Честно говоря, я бы врагу не пожелал иметь шестое чувство, но так или иначе, оно у меня есть, и именно им я чувствую вашу невиновность. Итак: я верю вам, но вы... вы сами вырыли себе яму. Давайте же вас оттуда вытаскивать, давайте бороться за вас. Давайте играть в открытую. Только прошу вас: пусть это будет строго конфиденциально, пусть это будет: *Entge - poiz.*

Я согласился, хотя и не знал, что такое антру. Но я предположил, что это тоже самое, что и конфиденциально, и согласился.

Итак, раскроем карты, — сказал полковник, — для начала я изложу неофициальную и, так сказать, внутреннюю точку зрения на этот предмет.. Ну вот, скажем, Шпацик... нельзя сказать, что заявление Шпацикого не соответствует истине, хотя на самом деле, тут дело гораздо сложнее. С другой стороны- пресса- с этим тоже нельзя не считаться. Вы понимаете меня?

- Честно говоря, полковник, не очень.
- Ну, другими словами... — полковник на минуту приумолк. Потом он вдруг протянул ко мне обе руки и горячо воскликнул, — ну, неужели же вам этого хочется?!
- Простите, полковник, но я опять вас не понимаю.
- Пресса, пресса! — простонал полковник. — Подумайте о прессе. Неужели вам хотелось бы выставить прессу в невыгодном свете?

- Нет, полковник, конечно же не хотелось бы, но разве обязательно выставлять?

- Слово не воробей, - строго сказал полковник, - выплетит - не поймаешь. Неужели я должен объяснять вам такие элементарные вещи?

- Но полковник, ведь прессу могли дезинформировать: ну, например, десант мог ошибиться.

- Между нами говоря, *entre nous*, вы не забыли, что мы говорим *entre nous*, могли. Но только *entre nous*, потому что вы понимаете, что значит указать на такую ошибку? Ведь тогда никто ни в чем не может быть уверен. Где эта уверенность, где стабильность, где, наконец, гарантия, я вас *не* спрашиваю? - гневно воскликнул полковник. - Мир непрочен: все рушится, все распозается, все погружается в хаос, - полковник склонил голову и закрыл лицо руками - замер. - Так я вас спрашиваю, - полковник вскинул голову, и на его лице оказалась гримаса, прямо-таки, боли, - я спрашиваю вас: кто может быть гарантирован от подобных ошибок? Кто может поручиться, что завтра, он сам не станет жертвой подобной ошибки?

Полковник, не в силах сдержать волнение, встал. Я от испуга тоже вскочил.

- Ой, правда, полковник, - испугался я, - ведь это же ужасно! Неужели же еще кто-нибудь может стать жертвой подобной ошибки? Мне как-то это сразу и в голову не пришло.

- Не может, - проникновенно сказал полковник, - десант не делает ошибок: десант не имеет на это права. Вы понимаете, не имеет права на ошибку. Все имеют право на ошибку, все имеют право, все, кроме нас. Вы чувствуете, насколько

это благородно, насколько это возвыщенно? - полковник подошел ко мне, он обнял меня за плечо, а другой рукой сделал плавный жест, как бы показывая мне какой-то обширный пейзаж. - Без права на ошибку, - мечтательно сказал полковник, - чтобы все были спокойны, чтобы никто не волновался.

- Да, это конечно, - согласился я, - но в моем случае...

- Не думайте об этом, - сказал полковник, похлопав меня повыше локтя, - не думайте: не мучьте себя и вообще не создавайте паники.

Полковник в задумчивости прошелся по камере.

Но вернемся к нашим баранам, - полковник повернулся и стегнул стэком по голенищу. - Итак, при всей правдивости своих показаний, сержант-десантник Шацкий вам верит. Такой, на первый взгляд странный дуализм проистекает из тех исключительно тяжелых условий, в которых ему, нет - всем нам, приходится работать. С одной стороны - симпатия, дружба, гуманизм; с другой стороны, может быть преувеличеннное, ну обостренное, я бы даже сказал, болезненное чувство долга, но прошу заметить - чувство долга. Такова, так сказать, психологическая подоплека его заявления. И, тем не менее, он верит вам. И я верю, вы понимаете?

Я ничего не понимал: если верит, то в чем же дело? Зачем он тогда так держится за свои показания? Ну хорошо - презумпция невиновности, но с другой стороны, понял, что ошибка, ну и скажи, что, дескать, ошибка, а тогда уж никакой презумпции невиновности, поскольку я их ни в чем не обвиняю.

Но тут полковник опять напомнил о прессе и о гарантиях, так что и презумпция невиновности ничего не меняет.

- Ну как? Согласны ли вы выполнить свой гражданский долг, как мы выполняем свой, военный? - спросил полковник. - Я открыл свои карты, а теперь ваше слово.

- Полковник, а как?... Что я должен для этого сделать?

- Сознаться, - твердо сказал полковник.

- Как?! Но ведь вы же говорили, что вы мне верите, полковник, - возмущенно сказал я.

- Разговор идет о вашей совести, которую вы должны облегчить, и о вашем гражданском долге, который вы должны исполнить, - резко сказал полковник, - и при чем здесь моя вера?

- Нет, полковник, - сказал я, - я никого не убивал и со-
зываться в этом не собираюсь.

- Так, - сказал полковник и сел на кровать. Наступило молчание. Я тоже сел на свою кровать и задумался. Я думал о том, какая странная и неразрешимая сложилась ситуация.

- Как же это получается? - думал я. - Я абсолютно невиновен, и все верят мне и даже сочувствуют, и ничего сделать не могут, потому что так трагически сложились обстоятельства: и презумпция невиновности, и гражданский долг, и гаранции...

- А жена? - внезапно вспомнил я. - Как же это я забыл о жене? Вот она в последний раз сказала, что не уверена, что не берется утверждать и так далее, но на самом деле?... Верила она мне тогда или нет? Верила она, что это я? Нет, - с надеждой подумал я, - нет, конечно же она мне не верила, ведь она никогда мне не верила. А может быть, и она верила? Может быть, она и раньше мне верила? Верила, но смотрела на это сквозь пальцы. Ну, там из чувства долга, или из-за каких-нибудь причин, которых я не могу представить, или из-за

какой-нибудь презумпции, мало ли их, этих презумпций, может быть, их очень много. Может быть.

Мне стало очень горько от этих мыслей, но все же у меня еще сохранялась очень маленькая, совсем слабая надежда на то, что вдруг это не так, что, может быть, все это только моя пустая мнительность, и я боялся спросить полковника, — ведь если он своим ответом разрушит эту мою последнюю надежду... Но я все-таки набрался мужества и, задержав дыхание, спросил:

— Скажите, полковник, — спросил я, чувствуя, как подпирает воздух, скажите, — спросил я, — а моя жена... она тоже... она верит мне?

— Ваша жена-а-а... — сказал полковник, внимательно глядя мне в глаза, — ваша жена, — и, как мне показалось, он прочитал эту последнюю надежду в моих глазах, — ваша жена. Ну, как вам сказать? — сказал полковник. — Н-нет — не думаю, — сказал полковник, — не думаю, она вообще настоящая гражданинка — вы должны быть достойны своей жены!

Полковник потупился в пол и стал гнуть свой стэк. Так он сидел и гнул, и некоторое время ничего не говорил, а потом отложил стэк, как-то поощрительно посмотрел на меня и спросил:

— Ну как, может быть, все-таки сознаемся, а?

Я почти решился, — мне было нечего терять.

— Скажите, полковник: а что мне будет за это? Ну вот если я сознаюсь?

— Давайте не будем торговаться, — сказал полковник, — не будем торговаться, а будем принципиальны. Ну, я в последний раз вас спрашиваю: сознаемся — или нет?

- Нет, - сказал я,

- Вот как, - прищурился полковник, - вот вы как? Приняли мое предложение играть в открытую, выведали у меня под этим соусом все тайны, а теперь на попятную? Как говориться, в кусты? Мое мол жилище с краю и так далее, и тому подобное... Значит так? А как же, в таком случае ~~entrez-nous?~~

- Что, антрун?- не понял я.

- Договор?- сказал полковник.- Договор дороже денег. Ладно, - сказал полковник,- не сознавайтесь: я не хочу на вас давить. Давайте, вместо этого, согласимся на компромисс. Я предлагаю вам компромисс. Идет?

- А что за компромисс?- спросил я.

- Это вас не касается,- сказал полковник,- это мое дело. Как вы? Согласны?

- Ладно, - подумал я,- уж хоть компромисс: уж хоть это.

- Ладно, - сказал я.

Полковник облегченно вздохнул.

- Ох, и крепкий же вы орешек!- сказал полковник.-

Ну-с...

Он встал, подошел к двери и, широко распахнув ее привгласил меня выйти. Я вышел: длинный, плохо освещенный коридор с двумя рядами железных дверей был пуст, и из-за дверей, как и в прошлый раз, когда меня привели сюда, не доносилось ни звука,- по-видимому, в остальных камерах все-таки никого не было. Полковник вышел за мной и аккуратно закрыл за собой дверь, и когда мы шли с ним по коридору, я впервые с удивлением заметил, что он ниже меня

ростом. Вероятно, полковник был не вполне доволен результатом нашего разговора, потому что до самого выхода он молчал и только сгибал и разгибал в руках свой стак.

Старичок встретил нас у входа и попросил расписаться в какой-то книге, но полковник отстранил его рукой и сказал:

- Не надо, ничего не надо.
- Вот народ! - с неудовольствием сказал мне полковник.
- Не могут без бумажек.

Я кивнул головой.

Мы вышли, и меня как будто ослепило. Нет, не то, чтобы на улице оказался яркий день. Как раз наоборот: была глубокая ночь. Мне показалось, что над моей головой закружились звездное небо: на самом деле, это, конечно, не небо, а голова закружилась от свежего и прохладного воздуха. Но главное, что еще здесь, стоя на крыльце, можно сказать, на пороге тюрьмы и, несмотря на то, что в переулке было узко, тесно и криво, - несмотря на все это я почувствовал необытность пространства, а всего-то для этого и понадобилось, чтобы только не было железной двери, которая от всего меня отгораживала.

Впрочем, я прекрасно понимал, что вся эта история еще не окончена, а когда за моей спиной лязгнул прочный железный запор, я вздрогнул. Правда я вздрогнул не от этого железного звука, а от совершенно другой неожиданности: прия в себя после первого легкого головокружения, я увидел стоящих поодаль, под фонарем несколько десантников, и среди них я отметил и Шпацикого, и Понтилу. Освещенные

белым светом фонаря, десантники твердо стояли на ~~ярких~~
мерцающих булыжниках мостовой, и от этой мрачной обстановки
мне сразу показалось, что они к чему-то приготовились.
Честно сказать, я струсили.

- Полковник, - в растерянности обратился я к полковнику, - вы не забыли? Ведь мы с вами договорились. Ведь я же согласился, полковник. Ведь я согласился на компромисс, так что же они?.. Зачем же?.. Уж вы, пожалуйста... пусть они... не надо: я и так...

- Я помню, - сказал полковник, - не бойтесь: я же здесь. Пойдемте.

Мы сошли с крыльца и десантники сразу же обступили нас.

- Ну вот, - задумчиво сказал полковник, - вот и компромисс. Поняли? - спросил полковник.

У меня волосы зашуршили.

- Как же так, полковник? Я ничего не понимаю. Если это они, то какой же тут компромисс?

- Идите, - сказал полковник, - идите, - там вам объяснят, - и, усмехнувшись, добавил, - на пальцах объяснят.

- А-а-а... куда мне идти, полковник? - все еще не понимал я.

- Идите на все четыре стороны, - ответил полковник, - на все четыре стороны: вы свободны. Понимаете?

Свободны. Только помните, - сказал полковник, поднимая большой палец /указательного у него не было/, - вы нас не знаете, и мы вас тоже не знаем. Помните - ~~спасибо!~~ изгнан!

- Мне правда можно идти, полковник? - даже не поверил я: я подумал: вдруг здесь опять какая-нибудь презумпция, так что уж лучше выяснить все это сразу, чтобы потом не разочаровываться; но в глубине души я уже поверил полковнику. - Так... полковник, неужели правда, можно идти? Значит, я прямо сейчас могу идти домой? к жене?

Я понял, что опять что-то не так, потому что полковник ~~молчал~~.

Шпакий, обогнув какого-то десантника,шел спереди и сверху вниз уставился на меня.

- Ты что? - тихо, но очень страшно сказал Шпакий. - Ты в самом деле не понимаешь, что тебе говорят, или ты шутишь с нами вздумал? Твоя жена в интересах пожертвовала личным счастьем, ради общего пожертвовала всем, что было для нее свято: она принесла это на алтарь. А в это время ты вел себя как жалкий себялюбец, как подлый трус. Забыв о совести и чести ты отстаивал свое жалкое, никому не нужное "я". А теперь ты хочешь вернуться к жене и испортить нам всю игру. Я даже подозреваю, что ты хочешь вернуться к ней не без задней мысли.

- Да-да, - сказал полковник, - разве я не говорил вам, что должны быть достойны?

- Вот, видел? - сказал Шпакий и сунул мне под нос свой веснушчатый кулак, - видал, скотина? А теперь катись отсюда на все четыре стороны. Вон туда, - и он показал пальцем вдоль по переулку.

- Да, - сказал полковник, - идите, не задерживайте солдат - солдаты очень устали. Идите, вы свободны.

Я от этой свободы не почувствовал никакой радости, но выбирать не приходилось. Я повернулся и почувствовал, как у меня по лицу текут слезы. Может быть это и недостойно мужчины - распускать юни, но я распустил. Мне только не хотелось, чтобы десантники это видели, и я отвернулся и пошел. Но не успел я сделать и трех шагов, как страшной силы пинок в зад сбил меня с ног на четвереньки. Я инстинктивно сжался, ожидая следующего удара, но больше ударов не было. Двое десантников, вцепившись, повисли на Понтиле. Понтила еще раз замахнулся, но уже не достал до меня ногой: десантники изо всех сил тянули его назад.

- Пустите меня, - ревел Понтила, - я ему покажу кузькину душу, я ему глаза на затылок переставлю, я ему все ноги повыдергаю из его паршивой задницы /он, правда, другое слово сказал - не задница, но мне уж не хочется повторять все эти гадости/, пустите, - орал Понтила, - я оторву ему его гнусные кое-что /тоже не кое-что/. Он у меня будет раком ползти.

Но тут полковник, наконец, опомнился.

- Да держите вы этого кретина! - в бешенстве закричал полковник.

Он подскочил к Понтиле и что есть силы стегнул его стэком поперек лица.

- Идите! Идите же вы! - крикнул мне полковник. - Идите, не будите в людях зверей.

На тупой физиономии Понтилы проступил темный рубец.

Я поднялся и поковылял в ту сторону, куда указал мне Шпацик. Потом я еще раз обернулся и увидел, как десантники беспорядочной компанией уходят по переулку. Я присел на

ступеньки какого-то дома и уткнувшись лбом в колени, заглох.

Мне опять некуда было идти: выходило так, что жены я был недостоин, хоть я и всей душой чувствовал, что это не так; то есть не то чтобы я был настолько самоуверен, чтобы считать себя достойным своей жены, а просто я понимал, что тут дело вовсе не во мне, а это ирония судьбы, злая насмешка судьбы, и на этот раз не было даже кота, чтобы разделить мою печаль и одиночество, потому что мой кот уже давно лежал в земле— я был один.

По-видимому, я долго так просидел, потому что, когда я поднял голову, ни один фонарь уже не горел в переулке, а переулок освещался исключительно луной. Но я не от этого поднял голову, а оттого, что совсем близко услышал какие-то шаги,— и от этого я поднял голову.

Они стояли прямо напротив и смотрели на меня, и их приятные лица были освещены луной. Да, их приятные, освещенные луной лица выражали одобрение и симпатию. Я их уже видел однажды, а теперь сразу узнал. Один из них был невысокий черноволосый, с умным и доброжелательным лицом француза; второй был повыше ростом и плотней: он был коротко стрижен. Я посмотрел на них, посмотрел и заплакал.

Я вспомнил, как год назад я вот так же стоял, держа на руках своего покойного кота, и они показывали мне, чтобы я не грустил и разные фокусы; и как они потом, уходя, поклонились мне, как артисты, как настоящие артисты и джентельмены; и теперь они отнеслись к моему настроению с таким же уважением и вниманием и не проявили никакой грубости— одну только вежливость и деликатность.

- Нх плх-ачь, - задушевно сказал француз и тихонько дотронулся рукой до моего плеча, - нх плх-ачь, нх нх-ад-о плх-акхть, - он погладил плечо моего пиджака.

- Хъ гхдэ кхтв? - спросил второй, и я сразу понял, что он спрашивает про кота.

- Он умер, - сказал я, подавляя свои рыдания, - мой кот умер - я один.

И как тихое эхо, повторил француз:

- Умрхь!

И тогда я окончательно заплакал.

Они оба немного постояли в нерешительности.

- Нх плхчъ, - наконец сказал стриженный и, бережно взяв меня под локоть, помог мне подняться.

С тех пор я живу вместе с глухонемыми. Их оказалось довольно большое общество, а не двое, как я раньше предполагал. В большинстве своем, это очень симпатичные люди, хотя некоторым из них и не хватает образования. Попав к ним, я первым делом стал осваивать их язык и профессию. Дело пошло, и я уже довольно скоро добился значительных успехов. И что интересно: никогда бы я прежде не подумал, что знание нового языка настолько может расширить кругозор. Мало того, и образ мыслей, и желания, и даже чувства, как будто меняются. Но этот язык, очевидно, имеет особенные преимущества перед всеми другими языками. Ну, во-первых, само по себе уже то хорошо, что это беззвучный язык: в общественном месте никакого шума от него нет, и каждый говорит со своим собеседником сколько угодно, никому при этом не мешая. Или, например, в темноте громким криком никого не напугать: сколько не маши руками,

все равно никто этого не заметит. Это вежливый язык: разговор на нем возможен только в форме диалога — перекричать друг друга нельзя. Ну, а сравнительно малый словарный запас не дает распыляться, побуждая сосредоточиться на самых важных вопросах, так что это даже и не малый словарный запас, а, скорей, чистота языка.

Рассуждая на этом языке, я пришло кутрье дальнейшее развитие. Я придумал ячни мнгхье в свхъи пржнъи жнъ, и мне стало ясно, что кое-что я видел предвзято, а на другое просто смотрел чужими глазами. Именно от этого я вдхль приду тх, чтх просмыхк ихпрахътъицх тхк, чтх съзмъ отлдимпих избежать.

Но нет худа без добра, и если теперь я многого лишен, то кое-что все же и приобрел. Тхък ъяя ихсылсх пхънхъмъи нтрасътельно слхъмисхъ мхж-э-ттъ бхъдхтсъи очнъ злсътья, ктхърхъи этмхъ жх мх-ыи зънххкхмы слхвмх-ыи, ктры-ыи ъны мхъгхъи прихъстх ихъ стхъ.

И всего-то они знают, что пришии и дъстхпихъ мхръ: вхдъ они тхжъ тхгдхъ-а о зимчисте, тхм ихъ мнхъ ихъ прихъдхъ-уть тхътхъ-о хчхът-йя, чтхъ ъя. Утх-э прихдхъ лчхъ мнхъ прихмхмъи, мнхъ... Б-хтъ-хор/сть, но это возможно, однажди презумпци ий, наконец, просто чхлхвхчхс хххъ ктрмшь-вркхъ, илхъ ышхш-ъ чтх-ихбхдъ.

Вхдъ онхъ-ы тхгдхъ тхъ энхлъ хмч хстхкхъ, и тхи ихъ мхн-э-э ихъ приждлхъи этхъмх тхкхъ-ого кхк вхмхжхн-ий комп-ромисс.

Придстрхъгхающему фнхкцъу ихъ обхъдъу мзстхъ рхзблчхъ. Этхт мэрь ихпрахвихъ ихъ тхъ, чтхъ бхъ зъммхсъртхвхътъ пдли-ихъ хрхктр зовсхстэмъ-ы мнъ-шлъ-хэтхчъ-скхъ дхтлънхстъ-ы?

Существуют проблемы, которых все равно не решить. Что же

A H T R H Y